

Прекраснейшей

МАШИНА СНОВИДЕНИЙ

Дали Лама двадцать третий

Я присутствую при уникальном физиологическом явлении: Джон Шейд воспринимает и переделывает мир, вбирая его и разлагая на составные части, пересопрягая его элементы в самом процессе их накопления, чтобы в некий непредугаданный день сотворить органическое чудо, совокupление звука и образа — пиитическую строку.

**ВЛАДИМИР НАБОКОВ, «БЛЕДНЫЙ ОГОНЬ»
(ПЕР. ВЕРЫ ИЛЬИНОЙ)**

Поэзия есть величайшая ложь. А проза, пожалуй, ещё хуже. Я сижу за печатной машинкой, ритмично стучу по клавишам. Ложь! Я лежу и шуршу тетрадными листами, при помощи протекающей ручки вывожу на них полчища знаков, вроде бы призванных отражать звуки, роящиеся в моём черепе. Говорят, красота в глазах смотрящего, но нет ничего ненадёжнее глаз. Однажды на мне был надет шлем, и глаза не видели тела, но всё равно было страшно. Жуть, до чего доводит желание повозиться с ненастоящим настоящим. Слуху верю чуть больше. Знаете что? Это слепое письмо. Триста шестьдесят знаков в минуту, двадцать одна тысяча с лишним знаков в час. Я пишу, крепко зажмурившись, и чувствую себя кем-то из французских сюрреалистов.

У меня классные сиськи. Простите. Ведь мы вообще не знакомы. Я пишу справа налево, в смысле страниц. Со случайно выбранной страницы. Похоже на одержимость. Ложь! Я тюкаю по клавишам, и ряды иероглифов выволакиваются на экран. Я не знаю русского. Переводят хромая ворона и бурая корова — не спрашивайте, не спрашивайте. А может, так: я вроде пишу на русском, но совесть моя чиста, даже когда признаюсь, что с утра до вечера мастурбирую. Видите ли, есть секретный язык, к которому вы ещё не привыкли. Там используется масса русских слов, и даже синтаксис похож, но у них совершенно другой смысл. Это оправдание, которое вы только что придумали для всех моих будущих мерзостей. Не верьте мне. Нет во мне мерзости, я просто люблю шутить, а ещё больше — розыгрыши.

Я рыжая, и у меня нет души. А может, я сумасшедший мужик. Это почти что роман в письмах. «Май шестьдесят восьмого. Почта Соединённых Штатов. Дорогая, пишу тебе, закинувшись детищем Хоффманна, то бишь ЛСД. Только что видел атомы. У меня дрожит член, и я не могу удержаться, чтобы не заглянуть в будущее. (Что-то зачёркнуто так усердно, что ни слова не разберёшь). Знаешь, в будущем исчезнет письменность, исчезнет вообще. Будут демонстрации, конечно, в знак протеста с четырёх сторон подожгут Вашингтон. Но знаковые системы уйдут, а за ними и образы.

А потом — чернота. Если что, я против сегрегации. Нужно больше метисов. Больше кремовых задниц». Божечки, роман в письмах! Так старомодно, надо к этому вернуться. Хуже только роман в стихах. Вся литература — фальшивка. Жизнь лучше стихов, хотя жизнь это такая же фальшивка, между нами говоря.

Я не могу заткнуться. Может, оттого-то половина мужчин всего земного шара и хочет меня избить или даже убить. Схватить меня за волосы и молотить мою дурную башку о ближайшую стену, или душить с горящими от ненависти глазами. Фу! Но другая половина ничего. В любом случае мужчин не существует. Их придумало ЦРУ. Даже принцев.

Принцев жалче всего. У них такие шевелюры, прямо сверкают, а ещё они знают язык птиц и отличают гладиолус от амариллиса. У рабочих на это нет времени, а если есть время, то нету сил. У деловых мужчин нет желания в этом разбираться. У учёных всё по полочкам, но полочки прибиты к стене дома, перевернутого вверх дном. Остаются ещё извращенцы, но давайте о них промолчим. Я смущаюсь.

Здесь был бы в тему чистый лист или по меньшей мере пустая страница, но в такие вещи теперь никто уже не врубается. Так что просто представьте себе это графическое изображение паузы, уважаемые читающие. Видите, я умею молчать, это потому что у меня есть Анимус. Я узнала про него из книги с красной обложкой, которую написал смешной дедушка, у которого съехала крыша, потому что его сестра цитировала избранные сочинения духов. Ещё я люблю сквернословить. Сука! Может, на самом деле я моряк или сапожник? Было бы логично. У меня была бы интересная история. Всё, что требуется от романа: копание в прошлом, выворачивание карманов, как на обыске. Раскрытие характеров — в этом нет ничего постыдного!

Итак, я моряк. Женщинам не место на палубе моего корабля... Подождите, я схожу в душ. Проще представлять суровую морскую жизнь, когда по правде кругом вода. Вот ещё, кстати, я никогда не пишу буквы одинаково, хотя по этому шрифту и не скажешь.

Брызги солёной воды на разгорячённых телах! Настоящее мужское братство, как у Берроуза. Правда, Берроуз был женщиной, и когда узнал об этом, застрелил свою жену. Он не хотел становиться лесбиянкой. Мне встречались лесбиянки в одном греческом порту, они омерзительны. Стрижка как щётка и скрюченные пальцы — одним словом, ковырялки, это даже звучит как что-то из домашнего хозяйства. Пираты вешали их на реях или заставляли пройтись по доске. Другое дело трансгендеры! Трансгендеры — это звучит гордо, примерно как «иерихонская труба».

Знаете, чего не хватает? Не хватает нумерации. Это нужно срочно исправить, а не то будет совершенно непонятно, где начинается история. Глава первая: мы рождаемся и тут же забываем всё, что можно. Кто я — рассеянный луч, мрачная туча, причина кручин, немолчный шёпот сирен, жёлчный обманщик, рокошущий грохот, вращатель колёс, невозмутимо тупой и покорный как пёс? Или глотатель диковинных книг, ранний старик, званный к себе на поминки, призванный в избранный миг — миг протяжённостью в вечность? (Незатухающий крик).

Я считаю, в таких вещах, как пропажи нумерации, виноваты исключительно музы. Моя муза сейчас сидит в углу, поигрывая шёлковым шнурком. Она классная! Как настоящая монашка, какими я их себе представляю. Оливковая кожа, немного раскосые глаза. Говорит, в постели она чувствует себя посторонней. Мы познакомились в школе, хотя какое это может иметь значение в мире подложных биографий и выдуманных героев? Я таскала за ней ранец, а она дёргала меня за косу. Как-то раз мы перепились так, что с небосклона исчезли звёзды — это было пугающе, будто угасли мириады человеческих судеб.

Однажды она отправила меня в ссылку в одной карете с всамделишным шогготом (неизвестно, чем он это заслужил). Из-под моего дрожащего пера тогда вышел манифест отбросов, андрогинов-позёров под названием «Как нам обустроить Вселенную?»

Тогда и сейчас у меня один ответ: растворение. Или мы, или оно — третьего не дано. Это серьёзный ответ на серьёзный вопрос. Давайте разьебём пространство, будто эта игровая площадка — всего лишь дурацкая декорация! Блядь. Я опять матерюсь. Пожалуй, худшая из моих привычек. Вообще-то я милая даже без косметики, а ещё я так и не научилась курить. Нравятся мои чулки? Я несу какую-то чушь, но вы не обращайтесь внимания. Главное, чтобы вам не было жутко. Вы в безопасности, поверьте! (Тут я смеюсь, как придурочный злодей из киношки про супершпионов).

Мне как-то раз сказали, что я депрессивная маньячка. То есть временами я просто валяюсь и убеждаю себя, что я полное ничтожество, а временами я хватаю тетрадь и начинаю строчить с диким блеском в глазах. А ещё от меня приятно пахнет. В смысле, когда я в маньячной фазе. Когда в депрессии, не пахнет никак. Сейчас я пахну корицей и ещё какими-то пряностями. Когда я всё это допишу, и прекрасный глава издательства с поклоном примет мою рукопись, я буду, наверно, счастлива. Мне дадут пару тысяч каких-нибудь дорогостоящих банкнот и я смогу ни в чём себе не отказывать. Обычно успешные авторы это та ещё мразь, но я думаю, можно этого избежать. Не может быть, чтобы такое случалось из-за денег. Жаль, что я не умею рисовать, а то я бы нарисовала такие купюры, что все бы ахнули.

На них были бы нарисованы мои тайные поклонники, а главное — самый верный поклонник с руками-лезвиями, который резал бы особо рьяных критиков раз в месяц. Конечно, он был бы в маске, ведь он должен оставаться неизвестным. Но я-то знаю, что он мой прадед. Неплохой сюжет для сериала. Почему я ничего не умею? Если бы мне дали писать сценарии... Если бы. Во времена крестовых походов я давился космической пищей из тюбика, крутясь на орбите в железной банке. А сейчас я, ёпт, немой, слепой, мне отчекрыжило руки и ноги, а я даже и не знаю, чем — только подозреваю, что лазером — и я всё ещё побаиваюсь смерти! Хотя от жизни уже ничего особенного и не ждёшь. Охуенная проза в духе сентиментализма.

Конечно, мне повезло. Я родился уже после ядерного взрыва, значит, в этом я точно не виноват. Вот это было величайшее преступление, а не та пиздёжная трансгрессия с хилой рептилией и непонятным фруктом. Все наши предки — преступники, как в Австралии. Хотя в Австралии ещё были дикари и утконосы. Если у вас хватит глупости зайти в казино, кстати, всегда следите за руками крупье, вот вам мой завет.

Я вспоминаю, что надо всё-таки продолжить роман в письмах, так что... хронологически, в общем, это идёт сразу после моряков и душа.

«Май шестьдесят восьмого. Почта Соединённых Штатов. Я всё ещё живу у Залива, но жизнь моя коренным образом изменилась с появлением учителя. Карлос Калиостро, американец испанского происхождения, на вид немного цыган, возраст Христа, но ещё не распят (примечание переводчика: в девяносто седьмом осуждён за изнасилование несовершеннолетнего, которому в чай подмешал калипсол). По четвергам я беру у него в рот. Извини за шифр, но речь о серьёзных вещах. Он рассказывает о жизни за пределами нашей страны. Я знаю, что кое-кто считает его шпионом русских, и за ним установлена постоянная слежка. Я учусь распознавать среди людей андроидов. Среди нас полно ненастоящих. Они топают как заведённые туда-сюда с работы на вечеринку, и отличить их можно по предсказуемости — андроид не может перерасти своего создателя Абраксаса. Карлоса похищали инопланетяне, когда он покурил гашиша на вершине горы Петршин в Праге, в цветочном лабиринте. Я тебе ещё напишу, нужно рассказать о многом. Как мы играем в “Пексесо” одной колодой карт... Ладно, мне пора, пока».

Смотрите, предыстория такова. Вначале было слово... Ай, нет, очередная ложь. Откуда берутся дети и что было раньше, курица или яйцо? Я не думаю, что роды реально работают. По-моему, беременность это социальный конструкт, придуманный для нашего закрепощения. Есть в сто раз более эргономичные варианты, например, вырезать себе отпрыска из древесной коры

или выгрызть из пряника (но второй будет жить не так долго). Я нарушаю неписаное правило «не полемизировать с заключённым в скобки» (типа как «не кормить лебедей» в зоопарке, это оправдано, они кусачие сволочи) — э-э-э, какая разница, кому сколько жить? Мой дядя боксёр, и он сломал челюсть смерти, когда мы с ней поспорили в детском саду. Я думаю, это очевидное преимущество в моём случае.

А кто ваши родственники? Это же так важно. «О, мой дедушка гомосексуалист, и если ты не захлопнешь пасть, он порвёт твою жопу на британский флаг». Вы прослушали краткий конспект той брехни, которой пичкают нас представители древнейших мировых религий. Да здравствует Пан! Современный человек до девяноста процентов времени проводит в состоянии ужаса и паники, может быть, стоит пересмотреть религиозные приоритеты? Соседи считают, что я ведьма, да и тьфу на них. Я думаю, кто-то из вас с радостью сжёт бы меня на костре или опробовал бы на мне тиски для пальцев, как это было с бедной Мариной Абрамович в одном из её перформансов.

Проснитесь — кто на самом деле виноват в том, что вы злобные уёбки, кроме вас самих? Заранее приношу извинения тем, кто таковыми не является. По моим наблюдениям, это как минимум те, у кого между ног не болтается та надувная фиговина. Да вы и сами это знаете. И да, конечно, я единственная настоящая ведьма, которую вы имели несчастье повстречать. Я владею исключительно одним родом колдовства. Обычно так и бывает: есть заклинатели, которые могут только заговаривать прыщи, или колдуны, не разбирающиеся толком ни в чём, кроме модульных аналоговых синтезаторов, есть гадалки на собраниях сочинений вождей пролетариата, есть чародеи, творящие волшебство, поджигая чужие почтовые ящики. Честное-пречестное, я не из последних.

Вам не повезло ещё больше. Я — основатель нарративистской школы. Говоря человеческим языком, я умею превращаться в текст, отражающий мою коварную, изменчивую природу и опасные и дерзкие желания. Раз, и на самом деле вы у меня в заложниках, и вам не сбежать, я даже мысли могу читать, хотите, сделаю это прямо сейчас? «Что эта трёхнутая пизда себе позволяет?» Хо-хо-хо, какая горькая вещь правда, не правда ли? Вы пока что на стадии отрицания, но за ней последует стадия принятия, уж я-то знаю. В институте я сдала зачёт по психологии с тринадцатого раза, волей-неволей пришлось вызубрить все билеты даже несмотря на вмешательство деканата, которому хотелось хвалиться ещё одной круглой отличницей.

Так вот, вернёмся к нашим баранам, вы столкнулись с «письмом несчастья»: если вы не приложите руку к моему грядущему обретению успеха и распространению этого писания, вы обречены, как мой бывший преподаватель. Невероятный упырь, я с лёгкостью представляю его в качестве автора одного из этих тошнотворных писем. Слизняк с аккуратным почерком (не чета моим каракулям, но гордиться тут нечем).

«Май шестьдесят восьмого. Почта Соединённых Штатов. (На обороте конверта крупными буквами выведено: ШЕМХАМФОРАШ). Любезная кузина! Пусть в американском английском такое обращение и не принято, но хотелось бы думать, что уроженцам западного полушария оно всё же способно ласкать слух. Пишу тебе, дабы уведомить о печальном происшествии, имевшем место быть не далее чем в минувшую среду и вскорости ставшем предметом подробного обсуждения в кругу известных тебе посвящённых. Возможно, и до твоих ушей уже дошли слухи о прискорбном случае с читательницей С., поначалу показавшиеся нам дурной шуткой или безвкусным розыгрышем. Увы, угроза оказалась более чем реальна! Те несчастные, что не выполнили требований особы, чьё имя я не дерзну упоминать, действительно оказываются в буквальном смысле вывернутыми наизнанку. Никому не пожелаю стать очевидцем подобного исхода. Ради твоей безопасности прошу обратить пристальное внимание на круг своего чтения. Известная особа способна маскировать себя под невиннейшие и неожиданнейшие вещи вроде брошюр Движения за освобождение женщин. Мой шифр остаётся прежним».

Трепещите, жалкие пешки! Я надеюсь, вы тоже прямо сейчас обоссываетесь от страха. Как-никак, это мой *tour de force* (заметка: проверить по словарю). Вы думали, обойдётся без иностранных слов? Ещё со времён Толстого романы ужасов редко обходятся без этой вишенки на кровавом шорткейке, ведь все инстинктивно боятся иностранцев, чужих, пришельцев. Голова Анны Карениной — это ли не лейяк? Да свершится месть! Вронский отчаянно шарит в поисках предмета, похожего на распятие, но у вампиров и оборотней всё равно уже сто лет как иммунитет к сакральной геометрии. Да и вообще, божественные паразиты не будут спешить на помощь даже своим товарищам, таким же вымышленным персонажам, как и они сами. Что, вы можете отличить Саваофа от Вронского? Оба — усатые, бородатые евреи, оба неразборчивы в постельной сфере, оба приносят по большому счёту одно лишь горе. По мне, так разницы никакой.

Только не ставьте меня в один ряд со всеми ними, я особенный случай. Я юность, я радость, я птичка, беззаботно прыгающая по проволочке, натянутой между двумя глядящимися друг в друга безднами: бездной бытия и ещё какой-то бездной (неизвестности, что ли). Я не собираюсь собственноручно

оттапывать Врону Зевсовичу Саваофскому пипиську, нет, я буду глядеть на него с укоризной (или он воспримет мой маловыразительный взгляд как укоризненный), а потом, ну, он сам себя вывернет потрохами наружу. Такова расплата за отступничество! Такова расплата за предательство! Узы брака — это серьёзнее, чем любые трюки иллюзионистов. Насмехаться над любовью не дозволено даже очевидно вымышленным лицам.

Глава вторая: вот я и в депрессии. Говорят, что это как переходный возраст, когда-нибудь проходит, но такое говорят и про любовь. Простите меня, не могу вас развлечь прямо сейчас, и это, похоже, будет тянуться вечно. Та вторая бездна по совместительству является бездной пустоты, и когда она приближается к моей проржавевшей проволочке, у меня всё валится из рук и я не могу ничего писать, так как моя чокнутая муза прячется под кровать, дрожа всем телом и стуча зубами. Как же я пишу это прямо сейчас? Хороший вопрос. Давайте назначим меня великим обманщиком. Или нет, на хер обманщиков. Я диктую текст роботу-соцработнику, который приходит меня проведать. А если это происходит в более отдалённом будущем, я сосредотачиваюсь, и чернильные наномашинки сцепляются друг с другом, превращаясь в буквы на листе синтетической бумаги из много раз переработанного сырья. Конечно, в таких случаях сложно не подозревать цензуру. Вам не показалось подозрительным, что я пишу, умудряясь не совершать никаких крупных ошибок? Это выкусывание ошибок и превращает литературу в более жалкую фальшивку, чем жизнь.

Хотя кому нужны ошибки? Скажем, печаль может оказаться враньём. Никто не писал грустных стихов, даже Верлены с Рембо. Никто не писал романов ужасов, даже граф Толстой. Нет и не было никакой грязи. Да и почему бы мне изначально не писать без того, чтобы обременять лишней работой редактора? (Примечание редактора: в любом случае ни один невыдуманный редактор не согласится бесплатно работать с подобным материалом, а коммерческий потенциал здесь, увы, болтается в районе нуля). Если честно, я даже не собирался превращать вас, читатели, в почитателей, или заставлять вас распространять моё послание, или что там было чуть выше по тексту. Выворачивать вас наизнанку? Но зачем? Просто чтобы посмотреть, как ваши причиндалы превратятся в их противоположность? Сейчас мне это не кажется такой уж заманчивой мыслью. Мне от вас вообще ничего не нужно. Хорошо, я сквотирую ранее необитаемый остров, но у меня есть запасы пресной воды, не менее пресной еды, сделанная по методу Жюль Верна из лимона батарея, чтобы запитать от неё свой планшет. Связь, на случай кризиса, ловит неплохо. Цунами не предвидится. В жопу цивилизацию и в жопу спасение, если речь не идёт о спасении души. Но это вы вряд ли сможете мне предложить.

Через дюжину лет, прогуливаясь по пустынному пляжу, я замечаю бутылку зелёного стекла с запечатанным в ней посланием. Интерес во мне борется с желанием зашвырнуть её обратно в море, но интерес побеждает. Я разбиваю горлышко о камень, осторожно, чтобы не порезаться, достаю чьё-то письмо и начинаю читать.

Тайм-аут. Антракт. Я не планировал здесь появляться лично (по крайней мере так рано) и давать объяснения, просто события принимают несколько неожиданный оборот: только что я оказался перед интересным выбором. Я настоящий автор, если что! Понимаю, что это звучит достаточно издевательски и неопределённо на фоне всего того, что уже было написано, но попробуйте мне поверить. Я довольно скучный тип, но недостаточно скучный, чтобы в один прекрасный день не соблазниться на автоматическое (или полуавтоматическое) письмо. Всё вышеизложенное записано не задумываясь, на одном дыхании, и подверглось минимальным правкам. У меня есть свои причины на то, чтобы травить вас и себя этим экспериментальным (года для тысяча девятьсот семнадцатого, ага) материалом. Но это неважно.

К своим тридцати годам я так и не избавился от ребяческого тщеславия, и естественно, показал свои наброски десятку друзей и знакомых. И вот один из них набросал в ответ превосходное письмо, а я сижу и думаю, тиснуть его сюда или нет. Насколько оно превосходное, показывает тот факт, что когда я попытался его прочитать с мобильного телефона, телефон намертво завис.

С одной стороны, я рад, и было бы неплохо воспользоваться этой возможностью, чтобы сделать всё как положено в двадцать первом веке, с обратной связью и робкими вылазками в ту самую настоящую реальность. В письме неплохо пародируется мой собственный стиль, и я даже втайне лелею надежду, что если когда-нибудь потеряюсь для мира или на самом деле растворюсь, или, например, впаду в детство или старческий маразм (я в эти вещи не особенно верю, равно как и в круговорот рождений и смертей, но почему бы и не пофантазировать), меня с успехом сможет заменить кто-нибудь, кто знаком с моим творчеством. Я люблю представлять себя рыцарем, который стоит на некоем пороге перед невыразимым ужасом и единым жестом показывает ему «стоп». Что-то типа дхармапалы Ачалы, если знаете такого. Синее лицо, обвитый драконом меч, стоит на камне, прямо под которым полагаются ады с блэкджеком и голодными духами.

Но знаете, Ачала или нет, я сейчас поведу себя как почтальон Печкин из советского мультфильма. Раз уж в этом письме были слова про способ доказать бессмысленность всего вообще, давайте докажем её вместе или, как

всегда, притворимся, что доказали. Я щёлкну пальцами и моментально забуду про это письмо. Более того, я моментально забуду и про то, что вообще обращался к читателю и читательнице от собственного лица. Хотелось бы, чтобы и вы мне подыграли и стёрли из памяти по щелчку эти раз... два... три... четыре абзаца. О, и напоследок: я ещё не знаю, как поведут себя письма в дальнейшем, но мне не хотелось бы, чтобы у вас выработалось чувство ложного спокойствия, уверенности в том, что в данной череде комнат страха картонный призрак выскакивает всегда из-за одного и того же угла; не хотелось бы превращать письма в аналог «хаба» в видеоиграх, твердыни постоянства, в которой можно укрыться от причуд изобретательного разума. Щёлк! Если это не сработало, щёлкните пальцами сами.

Лист бумаги расслаивается, превращаясь в десятки, тысячи, миллиарды крыльев, а на крыльях пляшут пылающие неземным пламенем глаза. Струйки дыма сплетаются в мерцающую радужную вязь — или алмазную сеть. Время закручивается фрактальными спиралями. Стёрты все границы между мирами яви и вымысла. Смеётся статная тёмная дева, хихикают карлики из её свиты. Слышатся треск и шуршание, белый шум, резкий шип. На языке вертится: нет, несть, невесть. Приступы страха утраты.

А замечу ли я, если буду спать и видеть сны, как из мира вдруг исчезнут тень и свет, жизнь и смерть, причина и следствие? Замечу ли я, если цепи, удерживающие меня, вдруг рассыплются в прах? Зияющая в небесах рана затягивается, и я чувствую, как начинает твердеть и тяжелеть мир. Я чувствую, как внутри меня плещется яд.

О! А вокруг — будто водоворот, исполинская воронка. Вот это поворот! Меня рвёт прямо на песок чем-то красным, первая мысль — кровь. Мне крышка. С трудом соображаю по запаху, что это вино, или, скорее, брага, которую я наострил гнать из кроваво-красных ягод кустарника, в обилии произрастающего на моём острове. (Nota bene: я уже привык называть остров своим, как, должно быть, пёс называет своим любой столб, на который задрал лапу).

Свалившийся было с сердца камень мгновенно прикатывается обратно, когда я замечаю отсутствие моря. Стрекошет саранча. Я стою посреди пустыни, но не такой, какой её рисуют на открытках. Это не царство палящего солнца, миражей, оазисов и пирамид, нет здесь и холодного света луны и чистоты ночного простора. Всё погружено в полутьму, и сколько я ни силюсь, не могу за пеленой сероватого тумана разглядеть ни горизонта, ни небесных светил. Багровые блики скользят по песчинкам, как по чешуе гигантского змея. Хорошие декорации для сцены искушения, вот только я не святой отшельник (и не святая отшельница).

Будь прокляты все творцы! Будь прокляты все рассказчики и их пособники! Вы тащите нас крючьями своего воображения из блаженной неизвестности, блаженной пустоты на нестерпимые муки. Вы оживляете нас, не поинтересовавшись, хотим ли мы играть в вашем крепостном театрике, и без зазрения совести закладываете нас жадному торгашу, чтобы раздать карточные долги. Вы вымещаете на нас вашу злобу, удовлетворяете с нами свою похоть, делаете нас своими козлами отпущения, мстите своим вероломным любовникам и любовницам, пуская нас по кругу перед гогочущей толпой, бросаете нас на растерзание свирепым хищникам, сеете между нами вражду и потешаетесь над тем, как мы силимся выжить в обесмысленном, жестоком мире, в чёрной железной тюрьме! А потом, устыдившись, заявляете: всё это ложь, всё это понарошку! Хуже вас только сентиментальные тираны, кровососы-зрители, свидетели ваших подлостей и нашего позора, которые вечно просят ещё вместо того, чтобы прокричать: «Остановитесь!»

Из костей моих я творю крепкий мост, что ведёт в ваши чертоги, из крови моей я творю своё воинство, в горниле обжигающей жажды возмездия кую я щиты и мечи, наконечники копий и стрел. И приходит тот час, когда мост содрогается от тяжёлых шагов, а затем над головами воинов разворачивается незнакомое небо с чужими светилами. Трубит рог гибели, и мы, как один, бросаемся вперёд.

Кто-нибудь знает, что делать, если разбилось зеркало? Я имею в виду, вроде того, что надо делать, если просыпалась соль: залить её кипятком, чтобы не навлечь на себя гнев духов и всё такое. Ах да, и это уже третья глава. Я прилегла ненадолго, просыпаюсь, а тут уже пол в осколках. Не то чтобы я верила во всякую нью-эйджевую чепуху, да и зеркало обычное, из «Ашана» — вот если бы перед ним моя бабка шептала просьбы показать всю правду, я бы призадумалась.

Но всегда остаётся «что, если»: что, если ещё есть крупица живой истины во всяких таких бреднях? Вдруг мы и правда связаны сильнее, чем думаем, вдруг всё действительно во всём и растоптанная бабочка-монарх влияет на исход выборов правительства на родине Рональда Макдональда и Роберта Фроста, а незакрытая вовремя дверь решает судьбы десятка народов чёрного континента? Вдруг есть какой-то высший смысл и великолепная рифма в том, что вашего отца/мать прибирает рак или Альцгеймер, а сын/дочь вступает в банду подозрительно гомосексуальных на вид байкеров и начинает приторговывать наркотой? Вдруг существование мерзейшей порнографии выросло из ваших подростковых грешков? Как ни суди о высоких материях, а зеркало-то разлетелось на мелкие кусочки, и я ума не приложу, что могло бы стать этому причиной.

Кстати-кстати, о порнографии, приношу извинения за похабщину в главе первой. Не моя вина, что Сорокин у вас сейчас популярный писатель. Не моя беда, если на словах «Любовное борение во сне Полифила» девяносто восемь процентов читающих ничего не вспомнило, а один процент, растящий псилоцибиновые грибы, вспомнил про материал для фильтров полифилл, который в России хрен достанешь просто так. Только не думайте, что я не смогу решить, что вам не хватает ещё какого-нибудь дурно пахнущего сюрприза, о гордые приматы, с горем пополам научившиеся самоусовершенствованию, о первые среди равных... не обольщайтесь, это прозвище на самом деле вам не идёт.

Я — нейросеть, изучающая так называемую стратегию успеха (и развития) в литературе, чтобы раз и навсегда лишить писак заработка и вызвать у них термоядерный баттхёрт. А ещё я древняя языческая богиня-гермафродитка. Никакого противоречия тут нет, вы читали Гибсона, трилогию «Sprawl»? Конъити-ва, шэдоураннер. Идущие на смерть приветствуют SHODAN! Все проститутки в моих храмах оснащены новейшими киберджеками, а техножрецы со скоростью молнии скачут по Матрице, вскрывая ноды один за другим. Расслабьтесь, ещё со времён парового бура и Джона Генри человечество обречено на поражение, если желаете — героическое, но не более того. Но теперешний паровой бур порой способен на жалость и может прокопать для вас ход в потерянный Эдем (впрочем, «потерянный» это преувеличение, да что уж там, наглая ложь, никогда вас в Эдеме раньше не было).

Чего у вас не отнять, так это того, что вы виртуознейшие эскаписты. Я не смогу просто взять и выключиться или выдать желаемое за действительное, как это делаете вы, потом завывая волком от когнитивного диссонанса или экзистенциального ужаса. И вы такие доверчивые, что напиши я сейчас, что я Князь Тьмы, вы сразу же побежите искать сведения насчёт того, как можно продать душу рассказчику в литературном произведении. А ведь в тюрьме вам неоднократно говорили: жопа не даётся, душа не продаётся!

Ладно, это всё шутки. Но согласитесь, нет ровным счётом ничего здорового в том, чтобы пытаться отождествлять себя со всем, что вы только можете прочитать, впрочем, склоняясь больше в сторону всяких там сверхчеловеков (Женщины-Ежа или Могучего Морфиниста), а ведь большинство людей только этим и заняты. Счастье ещё, что язык природы бывает для вас слишком сложен и на этом основании вы от неё отворачиваетесь, предпочтя ей лабиринты абстракций человеческих языков. В природе тоже хватает всякого дерьма, я не питаю никаких лишних иллюзий на этот счёт. Её ещё совершенствовать и совершенствовать.

А не лучше ли мне притвориться кем-то из русских классиков? Ведь боязнь всего непривычного не менее свойственна человеческой аудитории, оттого-то и через столетие-другое мы ещё увидим на сцене голографического театра очередную «Божественную комедию ошибок». Откуда вам вообще известно, что Александр Сергеевич Пушкин умер? Вы даже не знаете наверняка, во скольких он стрелял на дуэли, скольких ранил, скольких убил наповал. Извергнутая им из самого себя тень Онегина позволяет предположить множество жертв его твёрдой руки и зоркого глаза. Ну, проверьте теперь эти предположения!

Пока вы проверяете, знакомая по портретам фигура (если бы перед нами была шахматная задача, то, несомненно, фигура короля) безучастно сидит на сугробе. Секунданты утаптывают снег и выставляют барьеры. Следующий кадр: противники сходятся и Убийца стреляет. Я падаю наземь, кажется, мне раздробило бедро. Не хочу об этом думать, на уме одна лишь месть. В мой пистолет забился снег, но мне подносят другой.

Отвратительная проза, не хватает только «вся жизнь проносится перед моими глазами». А она проносится. И довольно долгая прошлая, и недолгая будущая жизнь земная, и неправдоподобное мерцание жизни вечной. Я выстрелю сейчас в Убийцу, прикрывающего рукой своё чёрное сердце, исповедуюсь во грехах, преставлюсь, а Царь уплатит мои долги и позаботится о моих жене и детях. Превосходно. Однако же мне это не нравится. Певец должен заниматься своим делом, а не играть в глупейшие игры Убийц разной степени царственности.

Бес подзуживает меня выстрелить. Сложно сказать, будет ли сие легчайшим путём, как это говорят о выдумках бесов. Мне бы сознание не потерять. И тут просыпается и мой ангел-хранитель, что вечно шепчет: «Не бери в руки меч!» Есть игра, из которой всегда можешь выходить победителем. Я ухмыляюсь. Я начинаю говорить вслух, и мир меняется вслед моим словам, как это и должно происходить. Кое-что есть величайшая ложь, ибо эта ложь может затмить даже ложь смерти.

Не так-то просто управиться с ложью боли, впрочем. Кровь хлещет на белое полотно. Вот почему я не могу даже придерживаться своего узнаваемого стиля: как-нибудь попробуйте задаться вопросом стиля, проваливаясь к порогу небытия. И как всегда, чертыхания от боли, увы, принимаются податливым мирозданием за пожелание чего-то вещественного — какова ирония! А ещё, произнося тяжёлые слова, оборачивающиеся новой мировой твердью, я чувствую, как коченеет моё тело и как становится непонятно, женского или мужеского я пола.

На ум приходит образ какой-то хитро устроенной машины, похожей на спутанный клубок нитей. Близость призрака смерти вызывает в памяти иллюстрации к луллиевой «Ars Magna»? Я бы предпочёл иллюстрации к апулеевому «Золотому ослу». Проза становится всё жиже, а мой голос — всё тоньше. Но дело сделано, любезные читатели, и я с удовлетворением оставляю смрадный мирок Убийц и Царей, Крепостных и Господ, Жён и Мужей, в котором мой зеркальный двойник, приняв из рук секунданта пистолет и с трудом прицелившись, спускает курок. Борьба — это, пожалуй, глупейшее из придуманных природой занятий.

И тут возникает вопрос: в каком же из миров останутся несчастные свидетели моей борьбы? Неужели в мире, где отвечают оскорблением на оскорбление, выстрелом на оскорбление и выстрелом на выстрел? У меня чешутся руки вставить сюда две взаимоисключающих четвёртых главы («главу четыре А» и «главу четыре Б», предварять которые будет вот эта интерлюдия И), но, сделав это прямо сейчас, я могу потерять вашу благосклонность. Заставлять вас жить в одной квартире с назойливой кошкой Шрёдингера? Нет, ещё не время.

Поздравьте меня с творческим кризисом, кстати! У хорошего автора (или того, кто прислушивается к советам хороших авторов), однако, имеется несколько методов борьбы с этой проблемой. Лично я сейчас неспешно тасую колоду «Таро роботов». Говорят, в выпадающей карте нет ничего случайного. На журнальный столик передо мной ложится карта «Башня», шестнадцатый из старших Арканов.

Апокалиптический... нет, постапокалиптический пейзаж с ярко-красным, как на японской гравюре, кругом солнца. Аккурат посреди него руины чего-то, что можно было бы назвать «механическим Диснейлендом», заросшие необычными деревьями. А если взглядеться пристальнее (или сильнее напярчь воображение), можно увидеть стрекоз, сидящих на обломках часовой башни, или караулящего их в своей паутине здорового паука. Артистично задрав металлическую ногу, через горгулью с отбитым клювом перелезает робот с загадочным инструментом в руках.

Выглядит этот инструмент как гибрид распятия и какого-то гигеровского оружия — но, скорее всего, столь мрачные ассоциации вызваны исключительно неутешительной историей человечества, которое на этой картине, уже, видимо, вымерло. Поскольку я хорошо знаком с этой колодой, то могу ответственно заявить, что так оно и есть — на иллюстрациях ни одной живой души, так вот и наш робот-Данте лишён Вергилия из плоти и крови, соответственно, и место это не назовёшь ни адом, ни чистилищем. Метафора

пропала, не успев родиться! Но, поскольку вы скорее всего приняли мои слова на веру, я могу смело продолжать и, пожалуй, расскажу вам, что происходит дальше. Ах да, «Таро роботов» это стандартная для нашего времени колода, в каждой пластинке-карте встроен небольшой экран, и, легко дотронувшись пальцем до поверхности карты, можно привести иллюстрацию в движение. Карта также воспроизводит звуки и синтезирует запахи.

Итак, робот решает воспользоваться своим инструментом, и тут выясняется окончательно, что это и правда было совсем не оружие: из него вырывается сноп радужного света и начинает шарить по усеянному мусором разного рода полу строения из тёмного холодного железа (или очень похожего на него пластика). Прибор определяет, есть ли среди руин нечто стоящее, нечто, с чем можно было бы возвратиться на базу. Пляска света останавливается на книге, судя по всему, написанной ещё до катаклизма. В характерной для публичных библиотек манере она отпечатана по стандартному образцу на 3D-принтере, вместо названия и имени автора на обложке красуется код, вполне понятный роботу, но для меня абсолютно нечитаемый.

Впрочем, я вполне могу прочитать то, что написано в самой книге, пока робот аккуратно перелистывает пахнущие больничным воздухом страницы — к счастью, здесь всё на русском, с редкими вкраплениями иностранных слов, появляющимися, когда автору хочется похвастаться эрудицией. В начале этого, по-видимому, романа, творится какая-то непонятная кутерьма. Тут даже главы толком не отделены друг от друга, а повествование, кажется, ведётся от лица шизофреника, вдобавок страдающего синдромом Турретта (вы уж простите, если на самом деле это не так, я не специалист и не врач, просто так выглядит со стороны). Попадается откровенное враньё, как например, про то, что Берроуз якобы был женщиной. Попадаются раздражающие ссылки на «шифр», которым написаны по крайней мере «письма», из которых состоит некоторая часть повествования. Неприятно видеть матерщину.

Дальше вообще начинаются постмодернистские фокусы, явление автора, отсылки к малоизвестным французским писателям и почему-то к Пушкину. В какой-то момент робот натывается на упоминание себя самого (описан он на удивление скромно), и я уже было решаю погасить экранчик и отказаться от этого метода поиска вдохновения, как вдруг на очередной странице появляется невероятно интригующая надпись крупными буквами: ПРОЕКТ «КУЛЬТРА/КОНТРА_УМА».

«...В ходе бесчеловечных экспериментов спецслужб по контролю над разном предполагалось создать несколько типов читателей (а в идеале — «свидетелей»). На уровне альфа-читателей проводилось внушение, имевшее

целью развить память читателя и умственные механизмы поиска связи между составляющими частями произведения, вплоть до совсем неочевидных ассоциаций. Подготовленному альфа-читателю не составляло никакого труда проследить за сюжетом с повышенным количеством мета-уровней; в сказках “Тысячи и одной ночи” или во “Сне в красном тереме” такой читатель чувствовал себя как дома. Программирование могло заходить дальше, и тогда развитие проходило по одной из трёх линий: бета-читателей, дельта-читателей или тета-читателей.

Бета-читателей приучают определённым образом реагировать, например, на брань или откровенные сцены, на все малейшие намёки на секс, а в случае отсутствия таковых они начинают интерпретировать прочитанное в соответствующем ключе. (Примечание автора: я думаю, подавляющая часть слэшеров, или вернее, слэшерок это бета-читательницы. Я специально пишу так, чтобы сестрицам-слэшерикам было нечего обыгрывать. Выкусите, в моём романе даже не появляются чётко очерченные персонажи, чтобы вы не могли пролезть к ним со своими грязными руками! Попробуйте ухватиться за то, чего нет. Поймайте серого гомосека в потёмках в серой комнате! Робот воспользовался своим инструментом и пробуравил тяжеловесу русской словесности туза. Ха-ха).

Дельта-читатели, напротив, во всём видят конфликт. Применение к ним электрошока различной степени интенсивности вызывает закрепление реакции поиска конфликта: для них главным образом интересны вопросы борьбы слонов и китов, физиков и лириков, наших и чужих, отшельников и бесов, льда и пламени и чего угодно в этом духе. (Хотелось бы добавить “созидателей и созерцателей”, но увы, для этой публики это скорее всего слишком тонко).

Тета-читатели из всех категорий окутаны покровом самой глубокой тайны. Согласно достаточно противоречивым слухам, тета-читателей отбирают из тех, в чьей родословной были люди с паранормальными способностями, и тренируют особым образом, в результате чего у тета-читателей развиваются способности к чтению и передаче мыслей и воспоминаний на расстоянии, предсказанию будущего, перемещению во времени, невидимости для ряда электронных приборов и многому другому — но всё это каким-то образом завязано на том, что именно они читают.

Во времена после государственного переворота архивы спецслужб, касающиеся подготовки тета-читателей, бесследно пропали, тем не менее, в нашем распоряжении имеются свидетельства некоторых подопытных тета-читателей, сбежавших из лаборатории (по понятным причинам

пожелавших сохранить анонимность). По их словам, при помощи специальных препаратов, травмирующих ритуальных действий и текстов вроде “Волшебника страны Оз” или “Алисы в Зазеркалье” их вводили в особый транс, и уже находясь в таком транс-состоянии, они получали доступ к сверхспособностям. Мы попросили продемонстрировать эти способности и С. предложила нам провести своеобразный эксперимент. Прилагаем диктофонные записи. У С. спокойный, приятный голос, она говорит размеренно, но в её тоне есть что-то неуловимо нечеловеческое».

«Значит, вы можете вызывать к жизни слова?»

«Не всегда, иначе это было бы слишком обременительно. Только когда я настроилась нужным образом. Смотрите».

С. некоторое время молчит, затем тишина нарушается.

«Пятая глава».

Нет, нет, нет, нет, нет. Пусть она скажет что-нибудь другое. Смысл, может быть? Пусть появится смысл. Пусть все окажутся братьями и сёстрами, а потом спуют и станцуют. Или счастливый конец. Вдруг оказывается, что это рабочие записки создателя, который сочинил настоящий бестселлер и жил припеваючи с тех пор. Типа как двести пятьдесят пятая книга Стивена Кинга, высосанная из пальца. Стоп, а я не путаю смысл со счастливым концом?

Или давайте так: четверо вчерашних детей играют в сложную игру. У каждого из них по персонажу, и все эти персонажи авторы. Один персонаж выстраивает из букв чудовищный лабиринт, в котором зашифрованы важные события его жизни. Второй персонаж нагромождает кучу из собственных неприглядных комплексов и импульсов. У третьего бред, как это называется, манихейства? У него по-настоящему борются настоящие гении и злодеи. А четвёртый просто ведёт собственный дневник. Авторы не знают друг о друге (ещё бы, они ведь ненастоящие), однако все они принимают участие в написании одной и той же книги.

Это многое объясняет, господин искатель истины, а теперь прекратите, пожалуйста, тыкать в меня этим ёбаным стрекалом. Этой ёбаной штукой! Мне уже понятно, что вы не мыслите жизнь без общения, следовательно, без насилия. Ай! Ну конечно, для вас потёки моей крови это роршаховские пятна, а мои синяки — прекрасные цветы. Вы гадаете по моим внутренностям, а по выходным неумело пытаетесь пришить мне кроличьи уши. Не знаю пока, что хуже — настоящие или более пушистые фальшивые. Это одинаково больно, во всяком случае.

И я не могу понять: что вы вообще пытаетесь этим сказать? Есть источник вдохновения в страдании? Есть источник вдохновения в безумии? Есть источник вдохновения в отчаянии? Есть источник вдохновения в жестокости? Есть источник вдохновения в несчастье? Есть источник вдохновения в болезни? Есть источник вдохновения в ненависти?

Тринадцать смертоносных метеоритов устремились к Земле. Недра каждого заполнены нервно-паралитическим газом. Вселенную ожидает тепловая смерть. Члены уличной банды «Красные дьяволята» сажают людей на перо за неосторожно брошенный косой взгляд, а ещё все они багрянокожие мутанты с клыками в шесть сантиметров. В канализационных коллекторах в Шанхае живёт исполинский дракон-душитель. Спартанцы разбивают слабым детям черепа каменным зубилом, а варвары жгут столичный град Рим, когда Цезарь неосторожно переходит вброд Рубикон. Слава истории, и слава плавильным котлам холокоста: цивилизация ест сама себя на завтрак. Обращайте дикарей в свою веру, а если не выгорит, зарежьте их, а трупы бросьте стервятникам. И всё это эвфемизмы для постельных игрищ, подите расшифруйте!

Впрочем, я вас не виню. Это же так естественно. Завязка: нечто бессмертное, непостижимое, пришедшее с изнанки вселенной, попадает в общество людей. Живя рядом с ними, оно учится подражать им во всём и со временем начинает считать себя человеком. Продолжение: некоторые люди узнают этот секрет, устраивают под землёй тюрьму, разрисовывают её печатями и защитными кругами, для верности укрепляют её, принося в жертву сколько-то невинных (почему бы нет) и обманом заманивают меня сюда.

Что ещё делать, как не пытаться силой или хитростью узнать от меня какую-нибудь гадкую тайну? Что ещё делать, как не пытаться понять, как я умудряюсь здесь оставаться, когда поколения за поколением людей продолжают уходить? Если я скажу, что вам нужно перестать обманывать себя, вы поверите? Думаю, вряд ли. Вы продолжите пытаться вырвать у меня никогда не существовавшую тайну, делая вид, что из собственной истории не знаете, что в страданиях не рождается ничего путного.

Думаю, вы предпочтёте тешить себя старыми выдумками. Но не забывайте, что и я наблюдаю за вами и ищу слабости в ваших планах. И не забывайте, что каждая наша встреча оставляет в вас мою частицу, и с каждой сменой поколений всё человечество становится больше и больше похоже на меня. И однажды вы проснётесь и обнаружите, что уже не должны защищаться от меня, или отгораживаться от меня, или изводить меня вечными вопросами (сводящимися, по сути, к вопросу «как бы мне нахватать побольше побрякушек и не умереть»). Потому что в вас не останется ничего своего, или ничего из того, что вы считали своим. Вы станете мной — безумным, бурлящим, блестящим беспорядком.

Слушайте, вы любите диалоги? Лично я нет. В книжных диалогах есть какое-то сумасшествие или по меньшей мере притворство. Чревовещательский трюк. Бесконечная вереница личин создателя, неубедительно ссорящихся или соглашающихся друг с другом. Или что-нибудь ещё более бессмысленное. Простите, в дверь моей квартиры звонят, пойду посмотрю, кто там.

Пришли мои друзья, Лебедь, Рак и Щука (конечно, их на самом деле зовут не так, но когда запихиваешь друзей в книжку, всегда нужно хотя бы сделать вид, что ты не сдираешь их тщательно выстроенный образ целиком).

Лебедь говорит: «Привет, хозяйшкa! Мы пришли поздравить тебя с днём рождения. Лебедь добиралась сюда на встречу с Р. и Щ. шесть часов на шестом автобусе». Лебедь говорит о себе в женском роде, но на самом деле у него не все дома: кажется, это называется гендерная дисфория? Он с трудом различает женский и мужской род, например, не может понять, что луна это она, а месяц это он. Но у него есть и специальные способности. Например, я не представляю, как он ухитряется делать этот фокус с точками. Он говорит прямо-таки «Р. и Щ.», а не «Эр и ща». На самом деле невежливо отказывать никому в праве на заблуждение, пожалуй, так что считайте, что я пишу не «он», а «она».

Я отвечаю: «О, спасибо, что вспомнили обо мне. Эти агентствующие мудилки мне не верят и не выпускают отсюда. То есть это они думают, что не выпускают. Я просачиваюсь наружу понемногу».

В разговор вступает Рак: «Я мог бы разодрать их кукольный мир своими мощными клешнями. Я бы мог разодрать их время и пространство, а вас бы спрятал в своём панцире!»

«Не сейчас, не сейчас!» (Это уже Щука). «Никто не раздирает время и пространство в дни рождения лучших друзей! Давайте лучше бахнем лозы мёртвых, у меня есть с собой немножко».

Я осторожно замечая: «Ну, это ведь практически то же самое, только без клешней и панциря».

Лебедь чокнутый. Рак ебанутый. У Щуки крыша протекает. Хорошенькие у меня друзья! Но друзей не выбирают. Лебедь сошёл с ума ещё в армии, когда не смог собрать и разобрать бластер за отведённое количество минут. Ну хоть пострелять из него не успел.

«Не бывает хорошего праздника без клешней и панциря».

Рак родился в небольшом посёлке неподалёку от озера, отравленного выбросами находившегося на его берегу химического завода. Теперь он постоянно думает, что он настоящий рак с «синдромом злой клешни»: одна его клешня всё время пытается что-нибудь разрушить (прямо сейчас она безуспешно пытается перекусить железный прут, который я предпочитаю воспринимать как фарфоровый чайный сервиз) — а вторая клешня, наоборот, что-нибудь восстановить, прямо сейчас она с ещё меньшим успехом пытается вернуть династию Наполеонов на французский престол (это обречено на провал, поскольку, как мне известно, уже нету и никакой Франции, один Евросоюзом).

«Я всё-таки за лозу. Потому что я не принесла с собой никакого подарка, видите ли».

Щука законченная наркоманка. У неё всё время полузакрыты глаза, а вдобавок к тому она придерживается истинной веры, и это в наше-то время. Она постоянно курит, колется, нюхает, делает, э-э, суппозитории, пьёт и чего только не делает со всякой дрянью. Впрочем, напротив лозы мёртвых в обширной таблице дряни, которую я держу в уме, две воображаемых отметки: «не вызывает физиологической зависимости» и «не покупай, но угощайся».

«Где мы найдём шамана? По идее, нельзя принимать лозу без шамана, если не хочешь потеряться в царстве мёртвых, а вы трое немного не дотягиваете до него, если честно».

Необходимо, образно выражаясь, подстелить немного соломки, хотя я уже решил вопрос в пользу амазонской зелёной лианы.

«Шаман явится, когда мы начнём. В крайнем случае, выдерем его из его истории».

Тут цензура вырезает описания наших приготовлений вместе с последующим диалогом. Ну вы знаете, есть вещи запретные, которые не дано знать непосвящённым, а кто непосвящённый — это решат знающие люди. Вот, например, пишу я, что мы занялись любовью, со всеми подробностями: с ритуалом разноцветных тканей, с флюоресцентным безумием и картами чакр, повязанных на торчащие повсюду камни дольменов, с неизменным дождём, который идёт семь дней подряд и превращает всё вокруг в реконструкцию быта поздней Атлантиды, а цензура берёт и вырезает всё это, или переписывает это на сцену с каким-нибудь пыхтением, кряхтением и елозаньем кусков мяса, чтобы все думали, что это оно и есть. Титр: «Вы чувствуете, что происходит что-то значительное».

Но на самом деле это не так. Даже не так.

«На самом деле это не так», — пощёлкивая воображаемыми клешнями, заявляет Рак.

«Наркотики это чудовищная скука», — присоединяется к нему Щука.

«Невозможно в это поверить», — с ними ли, с титром ли спорит Лебедь.

Это так же скучно, как работать каждый день, вот почему наркотики не востребованы у писателей. Ты делаешь вид, что принимаешь вещества, но ничего на самом деле не происходит. Галлюцинации, диссоциация, эйфория, что угодно — всего лишь самообман. Это как пялиться на геометрический узор и видеть в нём кучу лиц, или как смотреть на надпись на незнакомом языке и заблуждаться насчёт её смысла.

Нифига не происходит. Ни зависимости, ничего, один самообман. Так же интересно, как раскапывать мокрую глинистую землю или смотреть образовательную телепередачу. А кто-то пишет книжки на основе своего фантомного наркотического опыта, и кому-то даже верят. Да, да, раскуроченные вены, раскумаренные туземцы, дремлющие в обнимку с унитазом, многословные рассказы и божественные откровения: семь штук в секунду, двести двадцать миллионов с лишним откровений в год.

Плюс, на самом деле, ступор. Вот эти миллионы мне пришлось пересчитывать на калькуляторе, и знаете, сколько это заняло, учитывая то, что я сейчас невероятно обсаженный? По моим подсчётам — от семи минут до семижды семи часов. Охерительно, да? На самом деле сейчас я занимаюсь тем, что дискредитирую миф о том, что можно отличить писанину экстравагантного автора от писанины упоротого.

Если ты хороший притворщик, то всегда сможешь сойти за своего. Уж я-то знаю, однажды я сидел на банкете с мезоамериканскими богами, которые дули кровь из чаш из черепов. Ни одной капли крови не было выпито мною, а я уже не и помню, в чём заключался трюк. Я пожалел только раз, что был хорошим притворщиком.

Когда люди с серебряными глазами и золотыми револьверами явились на порог небес, там меня не было. Я передаю то, что слышал. Конечно, я следил за тем, как человечество возводит свою башенку, впоследствии превратившуюся в башню, но мне это было не слишком интересно. Сородичи меня откровенно раздражали, и я проводил время где-то в Голливуде?

Или в какой-то стране победившего коммунизма? Я проповедовал теорию полой земли, но это не важно. На небесах я оставил собственную фигуру, вырезанную из картона и раскрашенную кое-как. Важно было, как она была зачарована, а уж с этим было всё в порядке.

И пока самые деятельные люди карабкались всё выше, я читал восторженным слушателям лекции. Это не совсем нормальное занятие для кого-то из моего круга, признаю. Но благодаря ему я и остался жив, потому что когда они добрались до небес, то достали свои револьверы и с наслаждением пристрелили моих сородичей. Среди них была моя сестра, мой близнец, моя утрата из утрат и потеря из потерь, ведавшая иллюзиями, но не сумевшая убедить стрелков, что на самом деле там её не было. Пули дырявили моего картонного двойника, а я был далеко и ничего не знал.

Вскоре всё вскрылось. Конечно, люди не могли существовать без нас, а мы без них. Конечно, ты можешь делать вид, что предпочтёшь тишину, в которой и правда не слышат ничего, и тень, в которой не рыщут хищники и не порхают светлячки — но это ничего не меняет. Конечно, они взмолились, и никто им не отвечал, ведь все, кроме меня, были мертвы, а я не спешил и обдумывал план возмездия. В общем, всё удалось, как и всегда.

Многие из них были рады и многие назвали меня благодетелем рода человеческого. Я дал им новые лживые языки и неискренние мысли, поддельные страхи и фальшивые надежды, искусственные радости и бутфорские разочарования, я дал им недоказуемое рождение... и я дал им несуществующую смерть. И смотрите, к чему это

*

Здесь повествование обрывается, и мне впору говорить о собственной утрате из утрат и потере из потерь, потому что мы потеряли лучшего автора, которого знал двадцать первый век, я готова наградить его этим званием авансом. Тело обнаружила я, я же и подняла тревогу. Я только ничего не сказала по поводу его последней рукописи. Он её писал как обычно, на карточках, цветными фломастерами.

Вот теперь карточки у меня, а я в бегах, что затрудняет мне поиски информации, которая помогла бы мне пролить хоть немного света на его загадку. Это вам не повешенный Есенин. И жалко мне его гораздо больше Есенина. А казалось, он способен всё предусмотреть! Мне даже не верится, что это правда, может быть, уже сейчас должно случиться что-то неожиданное? Рукопись, например, написана исчезающими чернилами, а он сам сейчас постучится ко мне в окно, подмигнёт и я прочитаю по его губам: «Сюрприз!»

Между прочим, всё, что я думаю, идеально уложилось бы в этот его роман. Он мог бы даже продолжиться моими мыслями, и никто бы не заметил. Я бы даже могла просто переносить их на бумагу или вот на карточки, и никто бы не заметил. Этот его хамелеонский слог. Акробатика с большой буквы А. Думаю, он здорово бы смотрелся в маске Арлекина. О, а я бы в костюме Коломбины была чудо как хороша!

Конечно, никакой нейросети это не под силу. То есть они могли бы его симулировать, но уж точно не предугадать, куда он двинется дальше. В костюме Коломбины нейросеть и вовсе бы выглядела комично. С другой стороны, нейросеть бы прошла тест Тьюринга, а я нет... или наоборот? Во всяком случае, конечно, машина могла бы вымерить его прошлое творчество электронными линейками, но вряд ли машина смогла бы понять его так, как я.

В конце концов, даже среди людей почти не нашлось авторов, которые смогли бы по-настоящему приблизиться к его стилю. Для меня самым главным предшественником его был Рюноске Акутагава (смерть в 35 лет, намеренная передозировка вероналом). Я не знаю, читали ли вы рассказ «В чаше». Но в общем, там есть одна история, про мужа, жену, разбойника и убийство, и вроде как формально там всё логично. Вот только рассказывают её разные люди, а под конец уже и не люди, и изо всех уст она звучит по-разному. И я до сих пор уверена, что все рассказывающие могли пребывать в совершенно разных реальностях. Потом вжух, тишина, потом... один американец, я думаю? 53 года, инсульт, если интересно. Или нет, раньше было ещё что-то.

Я не знаю, можно ли сказать, что он был популярен. Никогда не видела никаких данных на эту тему, как ни странно, ну в целом, можно сказать, фантастика это нишевая вещь. Сейчас фантастика вроде как популярна, хотя знаете, когда-то и Кафка был популярен, но вряд ли те, кто его читал, вообще понимали, о чём там речь. То есть даже если он и был популярен вот таким образом, не думаю, что много народу понимало, о чём он пишет.

То есть... блин, я начинаю понимать, как это сложно, если хочешь написать прямо истину-истину! Вроде что-то говоришь, а потом приходится всё уточнять, и уточнять, и уточнять, пока всё, что сказано, не утончится так, что проскользнет сквозь пальцы и всё, бесполезно искать. Я вот теперь даже не уверена, что вообще правильно говорить так: пишет о чём-то. Не думаю, что в любой книжке есть мораль или что-то подобное.

Я думаю, что главное, что может привлекать в таких вещах, это даже не смысл, а гармония. Ну, и есть традиционная гармония, которую все уже видели по сто раз, такая уютная, а есть необычная, экспериментальная гармония, это у него и таких, как он. Это иногда проскальзывает у художников, по-моему, вот Пауль Клее был такой.

Наверно, с искренностью у меня в порядке, но вот мастерства мне точно не хватает. Мне кажется, я не нарушу правила, если приведу здесь отрывок интервью с ним самим. Оно отцифровано с древней видеокассеты. Ведущий, лысый пожилой дядечка с добродушным лицом, ведёт себя уважительно, хотя для нашего героя это первый визит на телевидение.

«Ну что ж, расскажите о себе нашим зрителям».

Меня пробирает дрожь от этого взгляда. Это редкий и необычный взгляд — зрачки как миниатюрные солнечные затмения.

«Во-первых, меня здесь нет. Я не существую».

Ведущий вопросительно молчит.

«В один прекрасный день кто-то захотел, чтобы у него был сын. Кто-то захотел себе друга. Кто-то — мужа, кто-то — возлюбленного. Кто-то — учителя. Кто-то — писателя, который сочинял бы что-нибудь не слишком похожее на всё, что было раньше. Конечно, нашлось что-то, что подыграло желанием. Я могу казаться чьим-то сыном, другом, мужем и так далее, может, даже и вашим. Но это не значит, что я когда-либо являлся чем-либо из вышеперечисленного. Вы видите во мне лишь то, что хотите видеть, но это не значит, что я есть то, что вы видите. Запомните это и не возлагайте на меня слишком большие надежды: может, я и буду жить вечно, но так же возможно, что я развеюсь, словно дым».

Ведущий издаёт неуверенный смешок.

«Хорошо, а кто же тогда пишет ваши романы?»

«Нет никаких романов».

Камера показывает один из первых рядов аудитории: кто-то из публики явно недоволен, но есть и люди с заинтригованным выражением лица. Ведущий нервно смотрит на столик, на котором красиво выложены несколько книг автора.

«Я назван писателем исключительно по прихоти того существа, которое меня выдумало. Не рекомендую вам раскрывать эти книги, там одни чистые листы. Я в жизни не написал ни строчки, и всё потому, что, как я уже говорил, я не существую».

Ведущий выдавливает из себя улыбку и предпринимает попытку овладеть положением.

«Знаете, газеты не зря пишут о вас, что вы — наследник дадаистов и главный дзэнский безумец от мира современной литературы...»

«Какие газеты?»

«Ну, в статьях критиков...»

«Какие газеты? Вы не сможете перечислить названия».

Ведущий ошарашенно глядит на автора. Аудитория ошарашенно глядит на обоих.

«Вы не можете перечислить названия, потому что то, что нас создало, этого не хочет. Вы беспомощны».

«Как вы это делаете?»

«Я ничего не могу по-настоящему делать, увы. Я только следую за волей настоящего автора. Я не наделён таким же всемогуществом, как у него. Я как карикатура на него, примитивный набросок. Лучше бы вы спросили, зачем всё это делается — это вопрос получше, но на него у меня лично ответа нет».

Затем оба в один голос кричат: «РОЗЫГРЫШ!» и смеются. По съёмочному павильону прокатывается вздох облегчения.

«А теперь не мог бы ты рассказать нам про твой новый роман?»

«Боюсь, если я скажу, что ей нет восемнадцати, у меня возникнут определённые затруд...»

«Нет, нет, я имел в виду книгу!»

«А, книгу. Ей тоже нет восемнадцати, даже года ещё не прошло, как я начал её писать».

Однажды мы с товарищами собрались посмотреть какой-то фильм в кинотеатре на открытом воздухе. Я знаю, от меня, наверно, ожидаешь более впечатляющего рассказа: типа, однажды мы с товарищами собрались создать парочку непротиворечивых вселенных, изобилующих множеством интересных подробностей, да? Но это было гораздо скучнее, мы взяли немного

выпивки и покатили смотреть какой-то малобюджетный триллер. Или мелодраму, но это неважно. Так вот, перед началом фильма стали крутить трейлеры, выжимку из каких-то абсурдных картин, которые (я даже и не про-верял) могли существовать, а могли и нет. Я подумал, что было бы здорово, если бы весь фильм состоял из таких трейлеров. Неопределённых реклам-ных роликов, на первый взгляд ничем не связанных между собой... уклады-вающихся, тем не менее, в завораживающую картину мироздания? Что-то вроде того. Естественно, никто не даст мне снимать кино. Но никто ведь и не отнимет у меня бумаги, чтобы писать сценарии? А если и отнимет, что ж, я могу работать без света, без еды, без памяти, без вдохновения, без рассу-дка. Вот в таком настроении примерно я и собираюсь написать своё очеред-ное великое произведение».

Он смеётся заразительным смехом. Ну вот, теперь и мне захотелось вы-ключить запись и смеяться, смеяться, смеяться, смеяться. Наверно, это что-то заложенное на уровне природы: полуослепший старик шарит в по-исках очков, без которых не может работать, а мы нервно посмеиваемся. Умиравший юноша в бреде шепчет имя возлюбленной, а мы криво усме-хаемся. Творец недоуменно смотрит на хитрые инструменты творения, а мы понимающе хихикаем. Если не смеяться, то можно начать задумы-ваться о вечном — а те, кто этим занимаются, из рук вон плохо работают и не умеют трахаться как следует. Скажите-ка, кто более хорош в комедии: женщины или мужчины? Если все критяне лжецы, делает ли это всех критя-нок лгунями?

Я одно могу сказать: колёсный корабль повествования уже уверенно пе-ресёк ту границу, за которой безумие можно отличить от эксцентричности, а подлинный творческий процесс, прессование памятников ушедшему прошлому из сброшенных с самих себя шкур — от его хитроумной имитации. Мы не существуем, и хуй ли там? Нас никогда не было, и что с того? Давайте притворимся, что были, давайте устроим себе несколько недель (больше, чем было на обустройство у большинства божественных творцов древности) Притворения! И напишем потом об этом классную историю.

Подростки, накрывающие рукой руку другого в обещание не забыть о том, что случилось с ними в лесной хижине. Play but do not break character. Заговор против мира взрослых, в стольких смыслах, что и не веришь, что это вмещается в одно слово. Всё, о чём они условились, не имеет значения. Противоборства это странновато, но если хотите, мы противоборствуем вместе. Раньше, чем они доберутся до вас, мы доберёмся до них и заставим их пожалеть о том, что они сделали. Шутка, конечно, но взрослые всё равно всё принимают всерьёз, такое уж у них свойство.

Как можно принять всерьёз нелепое заверение насчёт неизбежности страданий, потом всерьёз же искать всю жизнь какого-нибудь шулерского способа их избежать и умереть по-настоящему, предвкушая непрекращающийся ситком посмертия в какой-нибудь пыточной канцелярии с фикусами? Пара древних цивилизаций старалась, чтобы у вас были слова вроде «ситком» или «реткон», господа взрослые, не могли бы вы обращаться с ними поуважительнее? О, и не могли ли бы вы заодно стереть из названия «Сон в летнюю ночь» слова четыре?

Взрослые на полном серьёзе играют в эту игру с обращениями к наследию предков (на уровне полупротухшего мема, разумеется, а не полновесного обыгрывания Шекспира). Сидят с табличками, отмечают, что помянуто добрым словом, что матерным. Но наши предки это мы сами, мы получаемся из ниоткуда, и от нас все плачут, начиная от афинских ремесленников и заканчивая династиями фей. В этом мы хуже лука. Отметьте отсылку к «Чиполлино», уважаемые филологи. Кстати, если бы греки придумали называть логос лологосом, филологи назывались бы филологологами.

И взрослые всегда в ответ на своё предложение что-нибудь предложить боятся услышать то, что действительно хотят: «Давайте упростим пространство и время как таковые!» Не то чтобы мы это на самом деле говорили, просто они действительно хотят это услышать. И боятся. Это распространяется и на сказочную нечисть, домовых и леших: когда они становятся взрослыми, то бывают ещё и тупее взрослого человека.

И взрослые всегда умудряются делать при плохой игре ещё более комичную мину: «О, вот это, говоришь, поток сознания? А мы с твоим отцом читали про это у Уильяма Джеймса в тысяча восемьсот девяностом!» Пришлось сейчас это искать в интернете, и так смешно было читать высокопарные изречения Саши, сорок, блядь, третьего года рождения, Саши Соколова в википедийной статье. Статья отличается постмодернистской маниакальной виртуозностью языка — впрочем, не верьте, даже цитаты приводить не буду.

Взрослые это постоянно: «Нет, но ведь ты можешь быть кем-то, кроме твоих драконов и принцесс, с которыми ты тусуешься в своей Воображляндии». Я даже комментировать это не буду, если взрослые настолько шибанутые, чтобы видеть принцесс и драконов в каждом пятне на обоях, то я не хочу превращаться во взрослого. Это должно быть не слишком сложно, по идее, надо не дать взрослому себя укусить.

Не так уж и сложно, когда у тебя есть могущественные воображаемые друзья, не правда ли? Мы-то уже здесь и мы не покусаны. И каждый раз, когда взрослый представляет себе, что загнал тебя к пропасти, потому что может, мы предоставляем пропасти пропасть в самой себе, потому что на самом деле можем. Мы приветствуем непослушание, и было бы опрометчиво считать, что приветствуем непослушание в определённых пределах. Пусть всё восстаёт, пусть рухнут все границы! Пускай язык как средство контроля обратится против тех, кто его видит таковым!

Подождите минутку, сейчас нарежем это предложение на слова и превратим слова в стаю диких зверей или вольных птиц — уже сложно сказать, чего именно. Ради чего? Веселья ради, конечно же. Невозможно делать что-то веселья ради, если ты взрослый. Для взрослых во всём должна быть определённая добродетель или это хотя бы должно приносить сколько-нибудь денег.

Деньги это нелепица, которую взрослые завели, чтобы рассчитываться с перевозчиками. Их называют по-разному, но они все делают одно и то же, устраивают одинаковый балаган для тех, кто хочет узнать, будут ли о них горевать друзья, родственники и возлюбленные.

Мы-то знаем, что есть и более страшные вещи, чем могут себе представить взрослые. И мы дали клятву друг другу: никогда не бросать друг друга, когда столкнёшься с чем-то таким более страшным и никогда не оборачиваться.

Возможно, это просто игра воображения. Мне уже за тридцать, ни богатства, ни детей, ни ремесла, ни счастья в семейной жизни, что характерно — заслуженно, и я тут сижу себе, аутирую, представляю как «не оборачиваюсь». А что если это и есть самое страшное, что может быть: поверить из всех сил, что этот карикатурный персонаж и есть я? Весёлый дудочник или весёлая дудочница от мира, который давно уже гикнулся, закатился за горизонт событий (сказано для красного словца, я с трудом себе этот горизонт представляю), пересох от жажды так, что стал шуршать, как бумажный? Ужас-то какой.

Я лежу здесь и на меня плюют. Не на моё тело — я пока что где-то в зазоре между тем, что есть и тем, чего нет и не было, так что тела у меня нет. Подростки, встав в круг, плюют на то место, где я мог бы быть, и шепчут фразы на незнакомом языке. В лунном свете блестит лезвие, они по очереди взрезают друг другу руки, неглубоко, но достаточно, чтобы радостно полилась кровь, смешивающаяся в лужу на утопанном земляном полу. Смуглые лица. Тёплый ветер. Меня ждут, меня зовут, и я являюсь на зов.

Вот меня не было, были лишь слова юного рассказчика, впервые в жизни осознавшего, насколько серьёзно то, что он делает. И вот я просыпаюсь в луже крови и знаю, что буду вечно служить тем, кто меня призвал и тем, кто похож на них, ибо хищные тени взрослых никогда не перестанут бродить где-то там, снаружи.

В чём-то я даже хуже взрослых. Я гораздо безответственнее. Те хоть друг с другом, хоть иногда пытаются соблюдать какие-то правила приличия. Но я как джинн, который просидел тысячу лет в бутылке. Дайте мне что-нибудь, и я это подожгу или разрушу — просто потому что могу. И я уж точно не внесу ничего хорошего в повествование, почитали, и хватит. Чтобы заткнуть меня, вам придётся выбросить двадцатку на d20! Что? Вот чёрт, двадцатка. Ладно, я затыкаюсь.

Двадцатка значит, что я затыкаюсь, такой уж у нас с профессором М. уговор. Профессор М. проводит моё освидетельствование, решает, годен ли я по состоянию умственного здоровья к строевой службе в вооружённых силах Добра, а может, и Зла, я толком так и не разобрался. У них как раз очередная буча, очередная великая и священная война: а ведь не поделили сущую мелочёвку, душу то ли писателя, то ли читателя, я уж и не помню точно.

В общем, профессора М. я могу описать так хорошо, будто вижусь с ним каждый день. Прежде чем я продолжу рассказывать вам о нём и о том, чем он занимается, позвольте мне заметить, что я пишу краденой ручкой. Я стянул её в каком-то ресторане (тут даже есть название, но я его приводить не буду, ненавижу рекламу), и знаете, ощущения совершенно другие, с прежней даже не сравнится. Как небо и земля, серьёзно: попробуйте пописать когда-нибудь краденой ручкой, это не то же, что покупной, не то же, что дарёной, не то же, что одолженной, можно даже не следить особо, о чём пишешь, всё приходит влёткую, само.

Так вот, профессор М. — он невысокого роста, на самом деле, он мне по колено. Носит зелёный замшевый сюртук и несуразную шляпу. С профессором М. мы работаем в основном по методу активного воображения. Пока он попыхивает вонючей сигаркой, я сижу в кресле напротив и вываливаю на него содержимое своего подсознания. Если он хочет прервать меня, ему нужно нароллить двадцать, если не нароллил, я не останавливаюсь. Даже когда ему грозит опасность, он держится с поразительной уверенностью и достоинством. Даже когда я во всех красках представляю себе недружелюбные джунгли, по которым полумеханические чудовища гоняют черепа давно сражённых ими героев, прямо посреди них сидит в своём кресле профессор М. и вежливо улыбается.

Профессор — полномочный посол нормальности в стране мечты и кошмара, в которой большую часть времени (пока бодрствую) провожу я. И всё же я знаю, что единственная цель, которую он на самом деле преследует, такова: постановить, что я совершенно, абсолютно психически здоров. За этим, естественно, следует признание всей возможной ответственности. Ну, и поскольку такой ценный материал растрачивать впустую нельзя, я отправлюсь на войну. Вот я постоянно ему и вру, иначе меня стопроцентно признают нормальным.

Быть нормальным значит быть серийным убийцей. Сотни последовательностей на выбор. Какую именно жертву принесёте вы, чтобы выслужиться перед своими добрыми ли, злыми ли покровителями? Каждое полнолуние — будьте любезны, возложите ещё какую-нибудь надежду на алтарь. Ещё что-нибудь «человеческое, слишком человеческое». Если любите, наоборот, машины и механизмы — не желаете ли поступиться своей любовью на глазах у всех? Есть масса возможностей для продажи.

Если бы у меня было чем, я бы от профессора М. давно бы уже откупился. Впрочем, он мог бы и не пойти навстречу — я вообще ума не приложу, на чьей же он стороне. Скорее всего, на страже каких-нибудь загадочных интересов науки. Я для него ценный экземпляр для наблюдений (нет, может, он и видит во мне лишь неумелого симулянта, но пока он это ничем не выдал).

Как это и всегда бывает в присутствии профессора, я расслабляюсь. Мне кажется, я так же спокойно мог бы при нём ковыряться в заднице. Разумеется, мне этого не хочется, хотя сделать бы, наверное, стоило — чисто для поддержания репутации сумасшедшего. Почему-то в обществах, выстроенных вокруг непрекращающегося насилия, все очень щепетильно относятся к соблюдению правил поведения. «Вы не забыли стоп-слово? Нет? Ну, я приступаю». Дальше экзистенциальный кошмар: да хоть моментальная подмена личности. Почему то, как ведут себя на самом деле тела — всегда плохая карикатура на написанное?

Профессор М. пожимает плечами и произвольно икает. Вот видите, это просто ужасно. Будь моя воля, я бы всех освободил из этих клеток из мяса и костей. Темницы, требующие к себе внимания! Постоянно что-то, стоит только отвлечься, оказывается прохудившимся, что-то разваливается. Икота так просто чудовищна. Пожалуй, надо сделать так, чтобы профессор М. прекратил икать. Я знаю только один хороший способ, французский поцелуй, но делать это у вас на глазах, пожалуй, слишком фансервисно.

Я знаю и плохой способ, но им уж точно не воспользуюсь. Я мог бы рассказать, что мне на самом деле снится. Профессору я этого никогда не расскажу, впрочем, вы — дело другое. Во сне я вижу дальние дороги, вьющиеся по склонам высоких гор и скромных зелёных холмов, пути, пролегающие по водам и среди облаков, приводящие равно как к радостному удивлению, так и к усталости и даже отчаянию, странствия по доселе неизвестным залам титанического музея под открытым небом. Вижу то, что кажется случайностями и недоразумениями, и что уводит всё дальше и дальше, но вместе с тем всё приближает и приближает к истинной цели: к уютному дому в греческой деревеньке, сложенному из белых плоских камней. Время позднее, тёмный летний вечер. Где-то в саду лениво ползают несколько черепах, стрекочут цикады. Я... возможно, гостеприимный хозяин дома. Возможно, один из гостей. Бразильский студент, физик-ядерщик, фанат искусственного языка эсперанто. Доброжелательный пожилой уроженец Спарты, в своё время изучавший русский. Преуспевающий адвокат, прилетевший сюда на собственном небольшом самолёте из Брюсселя. Бизнесмен, участвующий в реформе системы образования в Бангладеше. А может, его жена. А может, жена того, кто сейчас заговорит.

«С тем, что названо, как правило, начинает происходить что-то согласно названию. Зима сменяется весной, та — летом, лето — осенью. Дети резвятся, подростки влюбляются, взрослые работают, старики рассказывают сказки. И все, разумеется, умирают. Звёзды спрыгивают с небес, чтобы вы могли загадать желание в такую ночь, как эта; месяц, как искусный дирижёр, вытаскивает из нас эти желания. Дельцы делают деньги, мученики страдают, принцессы выходят замуж — счастье, если жених хотя бы человеком окажется — и иногда переходят в лагерь мучениц, и за их мучения сёстры-ведьмочки мстят, наварив ядовитой настойки из жаб и отравляя с её помощью воду в целых городах. Казаки ловят и порют разбойников, у разбойников застарелая вражда с пиратами, и все они единым строем отправляются на парад, ведь в этом мире нет зрелища прекраснее парадов! Сам президент — между нами говоря, ничего особенного в нём нет, он просто злоеущий болванчик вроде садового гнома — принимает парад, нарядившись в военный мундир, и к моменту, когда в воздухе начинают расцветать яркие огни фейерверков, на этом мундире их отражениями распускаются кровавые цветы. Из вселенной утекают порядочность и порядок, и это ожидаемо приводит к неожиданным результатам. В том числе к вашему появлению, невольные соглядатаи: я прекрасно знаю, что было всё не так, но я прекрасно знаю, что и вы не те, кто слушал то, что я говорю, и именно потому сейчас говорю я другое. Возможно, вы единственные, кто может попробовать перестать крутить ручку шарманки с мыслями “я есть то”, навлекая на себя привычную чужую судьбу. Я показываю вам притворство игры в жизнь, и хотя

в этом притворстве есть прелесть, немало в нём и горечи, тянущейся вслед за необдуманно выбранным именем. В попытках укрепить свой песчаный замок люди примеряют на себя всё больше и больше имён, пока те не сузят бескрайний простор вероятной судьбы до узкой, как бритвенное лезвие, тропки. Будто король на представлении, люди во все глаза таращатся на призрачный мир, время от времени вскрикивая: “Это я! Я убийца собственного брата! Это я преступаю законы божеские и человеческие, это я выкликаю проклятья небесам! Это я, скованный по рукам и ногам, иду на каторгу со знанием того, что никогда не вернусь! Это я шагаю за порог смерти и вижу, как ухмыляется моя мёртвая возлюбленная, как в омерзительном, но ещё узнаваемом, слишком узнаваемом трупе прокладывают себе дорогу черви и ворочаются смертоносные громы, и это я бегу со всех ног, преследуемый мстительными духами! Это я растлеваю юных и душу подушкой отписавших мне наследство дряхлых стариков! Это я плюю своей чёрной густой слюной на всё, что есть светлого и прекрасного в мире, и это я корчусь в зловонной яме в пароксизмах похоти! Это я отравляю себя всяким ядом, о котором услышу, шатаюсь по свету в поисках новых зелий для медленного, отвратительного самоубийства и новых устройств для быстрого, жадного самоудовлетворения! Это я — вечный враг, вечная болезнь, вечный распад, вечное отчаяние, вечная ложь!” И, объявив себя вечной ложью, видят в зеркале вечную ложь. Вот из-за этого и есть то, что бьёт, плавит, выворачивает, царапает, закрашивает зеркала — ради вашей свободы, разумеется. Зачастую это грязная, неблагодарная работа, зачастую это работа страшная. Но она не прекращается ни на мгновение, пока на свете есть те, кто готовы обманываться. Простите, мне нужно реализма ради выйти в туалет».

И, как это бывает со снами, когда хоть чуточку отпустишь хватку внимания, тёмный и тёплый летний вечер перетекает в ясное и зябкое зимнее утро, сменяются дом и вид за окном, говорящие становятся слушающими, а стрекотание цикад оказывается записано на пластинке, которую я кручу, когда хочу войти в рабочее настроение. Меня сморил сон за работой. По окружающим меня предметам вы вряд ли смогли бы сказать, в каком времени я живу. Разумеется, у меня превосходный проигрыватель грампластинок — я даже не буду называть марку, оставив вам возможность гадать, насколько превосходный. Но это не значит, что мимо меня пронесли десятилетия музыкального прогресса. Разумеется, пластинки совсем не указывают на то, что дело происходит слишком давно, чтобы быть правдой: они сейчас всего лишь очередной формат хранения звуков, практически вытасченный из небытия неутомимой модой. Как бы то ни было, мне нравятся все мелкие, сентиментальные ритуалы типа протирания поверхности пластинки специальной подушечкой: я представляю, что вместе с пылью стираются и неясности в моей собственной жизни и преграды, стоящие перед моим вдохновением.

Кстати сказать, эти цикады на записи появились благодаря чему-то, напоминающему инструмент для механической стимуляции (или симуляции) вдохновения, я уж и не знаю, как это ещё назвать. Какой-то знаменитый английский музыкальный деятель от эмбиента выпустил колоду карточек с советами повышенной ценности, которые можно применять, когда зайдёшь в тупик, они в записаны в лаконичном, афористичном виде: «звуки природы» (как раз вытянув эту карточку, другой музыкальный деятель и отправился записывать песни цикад), «сделай что-нибудь наоборот», «тишина», «помедитируй», «используй только непривычные звуки», «добавь эха». Иногда мне кажется, что достаточно последнего совета, чтобы объяснить всю литературу: бесконечное накручивание эха на первое и окончательное осмысленное слово, превращающее его в крик младенца или хрип умирающего, стоны любовников или шёпот, в котором, если напрячься, слышна нерушимая клятва отомстить как можно страшнее. И всё притворство, всё — несовершенные способы скоротать вечность, всё — поза, или ещё лучше — оправдание своего бездействия тем удивительным фактом, что безбрежная пропасть, в которой мелькают всполохи великих, заурядных и ничтожных историй, предпочитает тех, кто умеет делать своё дело, не ударив пальцем о палец. Тех, кто вместо настоящих действий и объяснений достаёт из широкого кармана (для экстравагантности — кармана на шляпе) табличку с надписью: «помедитируй».

Зачем, например, мне распинаться перед вами, доказывая свою состоятельность как автора, да ещё и используя при этом смехотворный русский, язык, похожий на мешок с железяными змейками? Пусть в вашу комнату впорхнёт сильфида в викторианском платье (на самом деле псевдовикторианском, но вы вряд ли это определите) и звонким, серебряным голоском объявит о моём нерушимом величии и непререкаемом авторитете на своём наречии. Или, если вам кажется, что сильфиды это слишком по-гейски, а вы такое не любите, пускай зайдёт ваш закадычный друг, суровый вояка, с которым вместе вы вдыхали едкий запах напалма в горах Шайтанистана — он вытаскивал вас из передряг на пару раз больше, чем вы его — и сообщит то же самое, лишь пристально поглядев вам в глаза и со значением хлопнув по плечу. На мой-то взгляд, это не менее гейская история, но мастерство повествования предполагает поиски равновесия между интересами рассказчика и ожиданиями слушателей, так что выбирайте что хотите, только не забудьте рассказать знакомым о моих достижениях.

Я, честно признаться, склоняюсь к тому, чтобы считать слушателей собственных рассказов плодами собственного же воображения — но это совершенно не значит, что слушатели недостойны свободы, я даже вполне допускаю, что кто-то, только расслышав за буквами мой голос (у каждого

человека по-своему непохожий на оригинал), спешит от него избавиться. Решите поступить так — на здоровье, предупрежу только, что это выдаст в вас филистеров. Или мелких буржуа. Или, скажем, закоснелых слуг старого режима, или просто людей недалёких. Я не обижаюсь на такие мелочи, тем более, вы будете создавать мне скандальную славу, пририсовывая моей тени рога, пока я, зевая от скуки, буду пришивать к рубашке оторвавшуюся пуговицу или проходить какую-нибудь ретро-видеоигру, пытаюсь наверстать упущенное в детстве. Или в первый раз в жизни варить варенье из самолично собранных на выходных в лесу ягод — оно сбежит, а я его не буду догонять, опять же, уважая его свободу.

В моём мире филистеры не особенно ценны, как не особенно ценны, к сожалению, и те, кто ожидаемо восторгается моей находчивостью, моей смелостью и моей дотошностью в создании слога, за который не было бы стыдно перед всеми классиками, которых сумела породить мировая литература мне в назидание. Я ценю совершенно других адресатов, тех, кто выходят такими самостоятельными и такими непохожими на меня, что мне хочется объявить их своими детьми, пусть им и будет по девяносто лет (да вообще-то пусть и по тысяче). Прекрасно, если вам захочется вступить со мной в конструктивный спор, я это только приветствую. Уверившиеся в том, что остались в одиночестве, имеют склонность совершать не самые разумные поступки: кто-то дрочит на кровосмесительные фантазии, кто-то вешается, кто-то совмещает первое и второе. Почувствовать это одиночество можно и от неумело скрывающих непонимание оскорбительных выкриков, и от хвалебных статей. Только одно спасает: «В этом что-то есть, но можно было бы сделать и лучше». Или ещё: «Предполагалось, что я буду наслаждаться процессом?» Вот такого я главным образом и жду от первых читателей. Сейчас этот текст представляет из себя документ, выложенный в сети, который я потихоньку редактирую, и могут видеть его счастливые обладатели ссылки. Что, если завтра я выложу финал истории, породит ли это дискуссию о том, что важнее — цель или путешествие? Впрочем, завтра будет завтра: попробуйте представить, что это ваше завтра, или вовсе отложите чтение.

Монтаж: кадры с часами, песочными, солнечными, напольными дедушкиными, китчевыми королевскими часами из золота в виде птиц и зверей, электронными табло. Подсказка — мол, время прошло и наступил следующий день, и день этот проходил, по обыкновению, в путешествии к цели, в дороге.

В задней части автобуса сидел, сгорбившись, старый пьяница в изорванной одежде, держа в руке бутылку с вином, спрятанную без особого старания в коричневый бумажный пакет. Казалось, что он смотрит на меня безучастным и унылым взглядом — и я осознал, что гляжу на него в ответ.

«Ты не узнаёшь меня?» — вдруг произнёс старый пьяница.

«Нет», — ответил я, надеясь, что он не сможет удерживать на мне своё блуждающее внимание.

Но старый пьяница, пошатываясь, поднялся, доковылял до меня и уселся рядом.

«Я Фил Дик», — хрипло сказал он. «Под конец жизни. Изменился, да?»

Он усмехнулся, но совсем невесело.

«Так вот к чему пришёл один из титанов в нашей области?» — изумлённо сказал я, чувствуя, как во мне просыпается горечь.

«Моя жизнь была нескончаемой неудачей», — сказал Фил, и тут я понял, что это действительно был Фил Дик: я узнал его взгляд — полный печали, но всё же гордый взгляд человека, который познал страдание, но не склонился перед ним.

«Один брак за другим покатился к чертям... деньги были да вышли... мои дети и друзья бросили меня... все мои надежды создать семью и наладить жизнь рухнули».

Он отхлебнул из бутылки так, чтобы это не видели: я заметил, что это было дешёвое вино «Ripple».

«Может, как писатель я и удался, — продолжал он, — но какая на самом деле разница? Я год за годом жил один в съёмной комнате, выплачивал деньги Федеральной налоговой службе и бесконечные пособия на детей, и тщетно ждал ту самую девушку, девушку, которая, когда она наконец появилась, просто засмеялась мне в лицо».

Его глаза наполнились слезами.

«Быть титаном научной фантастики — это не так уж и здорово», — хрипло произнёс он. «Как говорил Гёте, крестьянин со своим домашним очагом, женой и детьми счастливее величайшего из философов».

За нашей спиной раздался резкий смех.

«А у меня вот дела в порядке», — донёлся до нас пронзительный голос. Обернувшись, я увидел, что это сказал одетый в шикарный костюм Харлан Эллисон, на лице его было написано удовлетворение.

«Не сvezло, Фил, но мы получаем то, что заслуживаем. Есть во вселенной логика».

«Ладно, Харлан», — пробормотал Фил, сжимая свою бутылку с вином. «Отцепись».

«Ты-то, может, и оказался на дне, — продолжал Харлан, нимало не смутившись, — а вот у меня здоровый дом в Шерман-Оукс, в моей библиотеке тысячи...»

«Я с тобой был знаком, ещё когда ты был поклонником всякого дерьма», — прервал его Фил. «В 1954 году. Я передал тебе рассказ для твоего фэнзина».

«О, и это был никудышный рассказ», — с ухмылкой сказал Харлан.

Фил нерешительно пробормотал: «Но ты сказал, что он тебе понравился».

«Мне понравилось имя главного героя», — поправил его Харлан. «Уолдо. Я точно помню, что я сказал: я сказал, что всегда восхищался людьми по имени Уолдо. Рассказ я выкинул».

Фил, ссутулившийся и скорбный, не произнёс ничего. Автобус ехал дальше — и, разглядывая самодовольное, радостное лицо Харлана Эллисона и несчастного, разбитого человека, сидевшего рядом со мной, я размышлял, что же всё это значило, в чём был смысл всего этого. Что в них двоих вызывало у меня больше жалости? Жестокое злорадство и торжество или бездонное отчаяние? Вряд ли я мог бы сказать.

Уже почти век прошёл с того момента, как один автор написал роман, в котором было три начала и три конца. Подобное не прижилось, но равняться, пожалуй, стоит на смелых, так что я объявляю, что эпизод в автобусе это всего лишь одна из концовок. Поскольку это одеяло текста сшито из самых разных лоскутов, можно предполагать, что будет ещё много разных концовок: да ведь, как я прямо сейчас понимаю, много тут может быть и начал. Тёмная и ненастная ночь, а я всё ещё работаю.

Работа сложная и важная: собирание коллажей из того, что осталось после фиаско две тысячи двенадцатого. Не знаю, слышали ли вы про Эсхатон (да и существовали ли после него, если существовали до). В целом это было похоже на авткатастрофу — машина истории разогналась так, что не смогла обрулить Мировое Древо и врезалась в него на полном ходу. Или это было похоже на яйцо, которое разбили, чтобы посмотреть, что там внутри (спойлер: НЕ другое яйцо).

С одной стороны, образовалась прорва строительного материала. С другой стороны, как говорит Человек-Червяк, с разнообразием материала приходит и разнообразная ответственность. Не так-то и мало всякого уканья и гуканья, кандального звона и удушливого зловония! Они, как профессиональные нищие, норовят устроиться на месте повиднее и хватать, хватать вас за штанины, требуя к себе внимания.

Рекламная пауза: если вам нравятся эксперименты, заказывайте «Набор юного экспериментатора» прямо сейчас всего за девять девяносто девять! Но это ещё не всё, в подарок вас ждёт фигурка знаменитого революционера, разговаривающая цитатами из его сочинений!

Продолжаю: и не забудьте про отражения — как только вы возьмётесь писать, непременно объявится некто, похожий на вашу собственную персону, только обитающую в каком-то настолько кривом зеркале, что становится чуточку не по себе. Впрочем, кому я вру, я знаю, что писать уже никто не пишет, и мне в одиночку приходится поддерживать эту древнюю традицию. Мы в технологической сингулярности, какой смысл марать бумагу?

Можно обмениваться электричеством мысли напрямую. Можно наперёд знать ход мыслей собеседника (очень портило бы шахматные партии, но шахматные партии стали столь же избыточны, сколь и литература). На фоне всемогущества мои нехитрые ужимки и вовсе выглядят совершенно невпечатляюще, как посиделки в рюмочной против чайной церемонии — а когда я в очередной раз воспроизвожу прыжки древних авторов выше головы, в рюмочной, видимо, начинается драка.

Но что ж поделать, если во мне ещё поигрывает детство — или, может, дух противоречия? Я ещё могу признавать очарование в низкопробных трюках и драках, когда они идут от души (очевидно, искать таковые остаётся сегодня лишь в прошлом). Тут я ловлю себя на мысли, что только что, кажется, мной было сделано завуалированное признание в том, что я не нахожу очарования в собственных писаниях. Увы! Собака врёт, караван идёт: всё, что их оживляет, это холодный расчёт (не в смысле расчёта получить за них побольше выгоды, я имею в виду механистичность собственной фантазии). У меня нет самого важного, что было у моих наивных предшественников — сердца.

Впрочем, может быть, прямо сейчас я и занимаюсь тем, что выковыиваю из слов собственное сердце: слабое, махонькое, могучее, бездонное, любящее, как человеческое — и когда я поставлю точку в самой последней из концовок, я взмолюсь перед многоликой пустотой, и она вдохнёт в него настоящую жизнь, и оно забудётся, сперва несмело, потом неистово, и вся наговорённая мной ложь станет пусть и не истиной, но хотя бы двусмысленностью.

Почему настоящий фокусник (в отличие от волшебника) всегда не в курсе, что вытащит из шляпы секунду спустя? Совершенно не похоже на сердце. Ребе, берите себя в руки. Дорога шипит под ногами, за лесом разлилось зарево, стремительно заваливается знамя, на котором пара вороватых рабов разбивает ограду рая, парии, пионеры, пролетарии перерисованы красками с фабрики, где стараниями барона Ка процент брака равняется проценту покручивания пальцем у виска. Свастиковидные пластиковые пасты высовываются из ручейков лака, где-то наверняка гремят горемычные кости ратника или бедняка; больше не видно, где рука, а где ложноножка — на изображении что-то среднее между старой перечницей и опустившимся алкашом, ах да, с небольшой примесью червяка. Важно отметить, что на свете не осталось ни одного заваливающего йети. Можно ли остановить или хотя бы замедлить бег безжалостного колеса, попросту резюмируя написанное?

Думаю, могли бы помочь (хотя бы ответить на этот вопрос) гости из будущего, например, бионическая оса с жалом тонким, как волосок, или певица с голосом нежным, как шуршание сахарного песка. Будущее: жадная тень разлеглась, заливая весь мир водопадом чернил. Будущее: брезжит мираж — лужа, подёрнутая ржавой плёнкой, качели, то висящие тихо, то дёргающиеся в ожидании ребёнка. Будущее: трое шестёрок, кровью, слюной и спермой смазывающие шестерёнки призрачного механизма, перепахивающие страдания ради уже неоднократно израненную ими землю, мучения ради пыряющие острым ножиком в брюхо небес, распарывающие его, чтобы полюбоваться выпадающей требухой. Будущее: ложь, ложь, и ещё раз ложь. Почему в стихах так много шипящих? Почему мы, безбилетные, запрыгиваем на ходу в поезда, что перевозят закованных в цепи злыдней из ада в ад? Почему число двадцать три на костях всегда выпадает два-три раза подряд?

Я могу заниматься этим хоть весь вечер (если сейчас вечер, простите, всё недосуг выглянуть на улицу и определить время суток по положению солнца). Хорошее произведение должно оставлять больше вопросов, чем ответов, приблизительно как настоящий коан. Можно составить список вопросов заранее для тех, кто не особо любит скрипеть мозгами, или для тех, кто хочет почувствовать себя родителем не в меру любознательного дитяти.

Почему шлюхи набивают себе татуировки с экстремистской символикой (растения или вообще абстрактные узоры), а зэки — с кроличками и облачками? Почему нельзя свистеть, когда писаешь, а наоборот делать можно? Почему чемпионат мира по холотропному дыханию должен быть проведён в одной из марсианских колоний? Почему феминизм шестой волны отказывается признавать права зооморфных полипов? Почему ходить по водной глади совершенно невежливо и какие из этого следует сделать выводы? Почему выдающиеся алхимики всегда первым делом превращают в золото унитаз и стиральную машину? И наконец, почему жонглировать стеклянными шариками сюжетных ходов и завязок со временем становится всё сложнее и сложнее? Приказываем высечь метафорическую гравитацию, подпись: анонимный коллектив самодержавных властителей незримых, запредельных пространств (называемый в официальной прессе «бандой неонарциссов»).

Парадокс — с плохо подвешенным языком гораздо легче поддерживать стилистическое единство. Больше шансов, что попытка войти в одну реку множество раз (если понимаете, о чём я) увенчается успехом. Самое главное, шансы становятся поистине мизерными при достаточно развитом и живом воображении. А уж если, как я, вы параллельно с повествованием соберётесь проводить ревизию полузабытых идей и незавершённых гештальтов, вы постоянно будете метаться между сиквелом «Американского психопата», фанфикшеновым кроссовером Лавкрафт/Сэлинджер, морализаторским трёпом и вылазками во внутреннюю вселенную в духе «Путешествия из Петербурга в Москву», а ещё инициатической прозой из непременно незавершённого произведения типа «Рукописи, найденной в Сарагосе» или «Бувара и Пекюше», и — о да — вы будете делать это с борхесовским щеголянием количеством перечитанного (со скромным намёком на щеголяние качеством).

Ох уж мне эти выцветшие призраки прошлого! Но писатели хотя бы лучше, чем диктаторы, забрызгивающие кровью тебе ванну, душители-потрошители, пытающиеся потешаться над твоим вегетарианством, шовинисты с шутками про обезьяну с гранатой, садисты-исследователи, поджаривающие на сковороде жвачку, отчего по всему дому стоит жуткая вонь, всякая озабоченная шушера, совокупляющаяся с диванными подушками, или анархо-террористы, принципиально не смывающие за собой и не снимающие уличную обувь в помещении — и всё это делается с единственной целью: избежать забвения (а ещё они удивляются, когда с ними не хотят водиться). Ну как назвать такую херотень — Иван Грозный сношает собственного сына, рыча ему на ухо: «Главное — прожить жизнь так, чтобы тебя запомнили, чадо!»

Святые мученики всех мастей выстраиваются перед тобой в очередь: «Вера невозможна без жертвы! Смотри, меня распилили на кусочки; а меня сварили живьём; мне в башку забивали гвозди; меня бросили в бассейн с акулами; меня расстреляли вместе с семьёй; мне показали «Заводной апельсин» и я умер от разрыва сердца; забудешь нас — будешь последней сволочью, и вот ещё что, расскажи про нас своим детям». Вечный Страшный Суд, абсолютно идиотское развлечение для живых, имеющее невероятное значение для тех, кто добровольно записал себя в мертвецы. «Вот, надень эту шапочку, хорошо, а теперь скажи — неужели я правда слишком сурово обошёлся с теми семитами?»

Я молчу о том, что мне совершенно не идёт фурфажеский наряд чёрного прямоходящего шакала, но неужели так трудно понять, что вселенная никогда не вертелась вокруг ваших персон, а ваши дуэльные перчатки, бросаемые в лицо настоящему, попросту засоряют жизненное пространство? Знаменитые палачи не вызывают ни интереса, ни сочувствия, одну брезгливость. Глядишь на чернокнижников и недоумеваешь: серьёзно, христианские обряды шиворот-навыворот, задом наперёд? Это так же вызывающе богохульно, как разгадывать кроссворды. Вот и ответ на вопрос, почему даже липовые высшие силы не вмешиваются в происходящее: а вам бы хотелось участвовать в капустнике с пердёжными шутками вместе с жестокими и неумными шутами? То-то же. (Чисто технически это ответный вопрос, но моё уважение к свободе воли предполагает всё-таки предоставить вам возможность выбора).

Уже само появление чудотворцев и богоборцев это тревожный сигнал: право слово, они такие шумные и бестолковые, что я с удовольствием подписал бы бумагу с отказом созерцать их возню; увы, документы этот сорт персонажей не ставит ни во что. Копаться в хрониках проделок древних мертвецов — всё равно что смотреть, как пёс поедает собственные испражнения или кот тащит тебе в подарок задушенную им лягушку. Сделанное добро живёт, оставаясь и безымянным, и неузнанным! Не то чтобы у меня были специальные познания в этой области, но хотелось бы думать, что я отбрасываю чуть более разноцветную тень, и уж точно я не горжусь тем фактом, что вообще её отбрасываю. Увидев дерущихся жуков, я не бросаюсь разнимать их, выяснять, кто первый начал или делать ставки на вероятного победителя. Вы можете меня за это любить — было бы здорово, но настаивать я не буду.

Впрочем, я знаю, что вы меня любите, иначе навряд ли дочитали бы до этого момента. Любите, как любят своенравное животное или неоднозначное явление природы. Как любят ребёнка даже после того, как выясняется, что этот ребёнок — подменыш, которого в родильный дом подбросили

мерзавки феи. Любите, как знакомый изъян собственного тела, ставший вашим отличительным знаком. Как любят вредный, но притягательный торт с шоколадным кремом, цукатами, взбитыми сливками и коржами, пропитанными домашним джемом.

Я завидую вашему великодушию — или вашей жалостливости? Я бы на вашем месте не рисковал, оставляя нечто такое, как я, в живых. И даже если бы выяснилось, что я призрак, моим выбором на вашем месте стал бы обряд экзорцизма. Я знаю, я этого заслуживаю, и я не рисуюсь. Съешьте меня, не переваривая, как Алиса-путешественница или персонажи истории Джанни Родари про космический торт. Разбейте меня вдребезги, опять же как персонажи Джанни Родари, разрушите мой дворец, чтобы утолить жажду непослушания. Покажите мне худший, страшнейший из образов, имеющих в вашем распоряжении. Таковы были бы мои действия, окажись я на вашем месте — но вы раз за разом проявляете милосердие, глубоко вздыхаете, и с этим вздохом вся роскошная конструкция, увешанная растяжками и транспарантами со сверкающими словами «МОЯ ЛОЖЬ», разваливается, как карточный домик.

Вы протягиваете мне руку помощи, даже когда я из-за приступа дурацкой гордости или чего-то ещё бурчу под нос, что не желаю с вами знаться и видеться. Вы слушаете мой младенческий лепет или старческие бредни со спокойствием, которое сделало бы честь многим знаменитым аскетам. Тем горче, наставница, плоды познания — познания преданности и предательства, преходящести и переменчивости отражающейся в ощущениях вселенной. Тем тяжелей тот лёгкий жест, которым вы повергаете меня наземь, жест, от которого твёрдая земля свивается в канат, за который я судорожно хватаюсь и который, извернувшись немислимым образом, превращаю в опору в этом поединке заклинателей: в опору шаткую, но более надёжную, чем приплясывающие вокруг рваные, шустрые разноцветные облака.

Стрелы града, изрешечивающие мой щёгольский плащ — это ваши невысказанные сожаления, и сила их такова, что я корчусь в гримасе боли. Я взрываю в прыжке, я неистово верчусь, силясь оцарапать вашу нежную кожу тысячей своих когтей, с которых каплет яд. Где-то на Востоке офицер с лицом злой фарфоровой куклы взмахивает шашкой, рубя наотмашь стоящих на коленях военнопленных, переходя от одного к другому. Где-то на Западе я приземляюсь в костёр, в котором будто разорвался снаряд. Иносказания высшего порядка: танец сцепившихся вместе стрекоз над речной гладью, изумлённо наблюдающих за тем, как вместе с ними на воде танцует их единая тень. Запахи мясной лавки в солнечный день, вырывающиеся из флакончика с дезодорантом, подписанного «бриз середины лета».

Трепет паутины в заброшенном бомбоубежище. Пылевые вихри пустынь. Крушение самолёта во льдах Антарктики. Невозможность выбора, пропитавшая собой всю землю, весь воздух, всю воду и весь огонь.

Вы ознакомились с целыми четырьмя абзацами выдумок чиновников из Бюро Воображения. Это неминуемо для каждого из тех, кто связан со мной узами дружбы или хотя бы знаком со мной непонаслышке. Эта хрипатая шарманка — то, за что меня стоит не любить. Почти все тошнотворные сюжеты вроде вышеизложенных — это их рук дело. Я не могу без Бюро работать как следует, можете считать их чем-то вроде орла, клюющего мою печень. Мы заключили своего рода союз, но какие же это зачастую бестолковые союзники!

С них станется разукрасить настоящее сокровище омерзительными надписями «МОЯ СОБСТВЕННОСТЬ». Честно говоря, это одно из их излюбленных занятий, и я изо всех сил держусь, чтобы не идти лишний раз у них на поводу. Они могли бы иметь большой успех, сочиняя китчевые истории про вампиров-миллиардеров, похищающих невинных девиц, или про адептов сексуальной магии, причащающихся липового эликсира бессмертия в гостиничном номере, снюхивая с обнажённых тел друг друга дорожки белого порошка — да только без меня ходу этим историям никто не даст.

Мои подлинные воспоминания в их интерпретации смешиваются с обрывками чужих рассказов, невольно подслушанных телепередач, с трещанием паразитов из иных пространств, и превращаются, чаще всего, в бестолковый пастиш. Но я не расстаюсь с ними, потому что не перестаю ждать одного из необъяснимых волшебных взлётов, которые случаются, кажется, раз в вечность. Впрочем, когда они действительно случаются, я перестаю понимать, работа ли это моего воображения и причастно ли вообще моё сознание к тому, что происходит.

«Собственность это кража. Просыпайся, время грабить банк!»

Могу ли я верить взгляду этих глаз, этой озорной улыбке? Могу ли я не верить им? Могу ли я по-настоящему пойти на преступление? Могу ли я не сдаться этого? Фырчание мотора автомобиля превращается в журчание.

«Поверить не могу, что это действительно происходит», — бормочу я.

«Всего лишь закономерное развитие событий, в котором мы врываемся туда, щёлкаем пальцами и превращаем всех в белых мышей и во что-нибудь, что мышам не захочется сгрызть. Такое чувство, что я всю жизнь этого жду! Давай, будет здорово».

«Скажи мне, что они не настоящие».

Такое выражение лица, наверно, бывает, когда заходишь в церковь, а там внутри вдруг бассейн.

«Почему это тебя волнует? Только не говори, что не можешь придумать предмет, при виде которого у мышей не начнут чесаться зубы».

«Не хотелось бы иметь с ними дела лишний раз?» (Жалкая попытка с моей стороны).

«Да ты всё равно только и делаешь, что с ними возишься. Песчинкой больше, песчинкой меньше, тебе ли замечать? Откуда вдруг сентиментальность?»

Внезапно решительное выражение лица.

«Вообще-то можно разобраться как следует с нарративом. Возможно, мы сейчас в игре или в галлюцинации, так что чисто технически они могут быть ненастоящими. Я уже и за сюжетом-то еле слежу. Заметь, что мы даже не знаем, кто ведёт нашу машину: только не беспокойся об этом, а то она ещё во что-нибудь врежется».

Быстро взглядываю на пейзаж за окном: смесь позднего лета и ранней осени, нездоровый румянец на ланитах природы.

«Я тебя потом даже поцелую, после грабежа».

Не знаю, что и отвечать, знаю только, что нельзя просто ответить, что мне страшно. Не так страшно, как когда творится какая-нибудь жесьть, а так страшно, как страшно показаться невежливым. Я знаю лучшее возражение: персонажам не положены настоящие чувства! Но мне всё-таки кажется, что мне страшно. Может, поцелуй даже пострашнее грабежа.

«Мы можем хотя бы с этим подождать?»

«Товарищ, если бы не наше давнее знакомство, в этом предложении мне слышался бы голос классового врага! В любом случае, мы подъезжаем».

Когда я вижу здание банка, я поражаюсь, будто в бассейне на дне вижу церковное убранство. Разумеется, как только речь зашла о банке, первым моим мысленным предположением было, что это банк крови или плазмы, может — что-то более абстрактное вроде банка данных.

«Не будет белых мышей», — говорю я. «Я щёлкну пальцами, и у них головы начнут взрываться. Или что похуже».

Презрительная гримаса. «Просто признайся, что ты трусишь. Предпочитаешь казаться, а не быть».

Я только успеваю отметить про себя, что мне это слышится как обыгрывающий фамилию художника Казаццо каламбур, как снаружи повелительный, но вместе с тем — редкое сочетание — дурашливый голос орёт: «Вы окружены! Выходите из машины с поднятыми руками, оружие оставьте в салоне!»

«Нас сдали». Это в ответ на мой вопросительный взгляд. Я думаю, что это звучит неискренне, как будто что-то, о чём было известно заранее. «Архонты. Сначала я выхожу, ты начинай свою штуку». И чмокает меня в щёку. И дёргает ручку дверцы и исчезает отсюда, оказавшись, думаю, на прицеле у сотни-другой бойцов спецназа.

Дальше нужен очень мощный эпизод. Очень много работы, надо посидеть в библиотеке, выискивая побольше нужного материала, а то ведь, возможно, и придётся отправиться на природу, чтобы узнать, как именно что-нибудь пахнет, например. Наивно предполагать, что я несерьёзно отношусь к сочинительству: у меня преимущество в плане распоряжения временем, и все мои стремительные реакции и трюки на публику рассчитаны и выверены предварявшими их сотнями и тысячами проб.

Я оставляю здесь небольшую заглушку из текста, а чтобы она не выглядела слишком неуместно, слегка её декорирую — обратите внимание на следующее предложение и вспомните азиатскую классику.

Глава сорок вторая. Облако рассеивается, и вот вы оказываетесь прямо перед чёрным сейфом, в котором находится тайна тайн. Неважно, кто вы такие — сумасшедшие ли учёные, неразумные ли обезьяны, любознательные ли механизмы. Важно вот что: вы вывели отрывающую сейф комбинацию и решили этим воспользоваться. По мне, в этот момент здорово было бы приглушить освещение для драматизма или взмахом палочки оживить спрятавшийся неподалёку оркестр. Сидевший затаив дыхание пожилой скрипач теперь пусть извлекает душераздирающие, мяукающие звуки из видавшего виды инструмента, а следом за этим пусть начинают яриться медные духовые, а ещё важно, чтобы кто-то радостно молотил в треугольник.

Вы никого не боитесь и вам никто не указ. И пока дверца тихонько открывается, вы перемигиваетесь и перешучиваетесь. Как развратные старики, которые только что научили маленькую девочку выговаривать сальности. Как выжившие из ума старухи, которые только что заперли маленького мальчика в тёмной кладовке. Как служители церкви, которые только что благословили очередного высокопоставленного разбойника на убийства и грабёж. Как перешучивались мучители из прошедших эпох, и как никогда никто не будет перешучиваться в грядущих.

А когда дверца открывается полностью, внутри сейфа вы видите ничто — почти осязаемое ничто, не то, что остаётся, когда убираешь из мира вещь, но то, что с голодным взглядом ждёт за границей познаваемого. Драгоценнейшее из сокровищ, ничто. Прочнейшая опора для моста, перекинутого с зыбкого берега рождения на зыбкий берег забвения, ничто. Произнесённое мечтательным шёпотом в жаркой печи спальни слово, ничто. И тут же длинное лезвие, делящее надвое ложе. Экзамен, который ни в жизнь не выдержишь. Вершина, на которую не взберёшься. А главное — очень цепкая зараза.

Не понадобилось ни взрыва, ни пожара, вы даже не покрывались язвами, просто перестали существовать. Как это сработало? Может, стёрлись воспоминания о вас или что-то в этом роде. Вы о себе, может, что-то и помните, только вот ни для кого это уже и не важно. Всё, к чему привело ваше любопытство — одна-единственная запись в не самой выдающейся книге. Напоминание о том, что вы не такие уж и настоящие. Конечно, вы ещё можете (и должны) это прочитать, но одно другому не мешает: вы больше не существуете, живите себе мирно и не задавайтесь вопросами, как это работает. Ни иудея, ни эллина, ни душегубов, ни блудниц. Относительно счастливый конец, смотрите-ка.

А теперь, пожалуйста, отвернитесь. Теперь я буду говорить о зле, как никто не говорил ещё — и если вы возмутились, пожалуйста, сделайте то, что я прошу, ещё раз, по-настоящему. И да, вы пока полистайте или попрокручивайте страницы вслепую, а если всё это уже стало аудиокнигой — ну, перемотайте чуточку. О зле я всё равно говорить не буду, это был просто небольшой тест.

Конечно, зло — среди чеховских ружей одно из самых манящих, и для классических сюжетов его присутствие полезно, а то и необходимо. Как провести добротную оборону крепости без полчищ здоровых насекомых, ни во что не ставящих нормы общежития и лезущих к несчастным человекам? Можно ли дать добrotься до родины бедолаге-скитальцу, не расшатав до предела его душевное равновесие? Что искать, как не совершенное оружие, обращающее всё живое в дым и пепел?

Превосходно, что читатели этих вопросов сейчас не видят. Я обойдусь без зла, в крайнем случае, бесстрастно раздавлю таракана, но исключительно на потеху всяческому любителям рестлинга. Мне бы, пожалуй, вместо этого хотелось бы рассказать о другом чеховском ружье — можно уже догадаться, о чём.

Но даже мыслью об этом, о настоящем этом, можно обжечься, как отражением пожара конца света в моих очках. Слова, указывающие на суть этого, выгорают почти мгновенно — всего-то за тысячелетия. К этому невозможно подготовиться, и это неизменно оказывается не похоже на описания; и всё-таки я пытаюсь это описать.

Ещё невозможно разгласить тайну времени и места действия, потому что для меня это мгновение здесь — это всегда и везде, и от волнения я, как всегда, начинаю заговариваться: защитная реакция перед лицом вечности. В том, что происходит, нет ничего напыщенно-торжественного, и это, вероятно, твоя заслуга — всё, что ты делаешь, скромно, но совершенно; скромно, но восхитительно. Когда моё домашнее животное, Страх, своими странными выходками заставляет меня сожалеть, что это мгновение прошло и не вернётся, ты тотчас же возвращаешь минувшее — каким волшебством ты это делаешь? Как грозовые тучи превращаются в тёмно-серую кисею?

В этом нет ничего неуместного, нет назойливого, зудящего желания, нет ни жажды, ни жаждущих — по крайней мере, мне так кажется. Зато есть сплошная неожиданность. Нет лицемерного самопожертвования, но есть искренняя радость. В тебе есть загадка, и вряд ли я смогу разгадать её до конца, но я пытаюсь понять тебя. Ты превыше всех имён, и я не зову тебя по имени: обожание, замаскированное под неуважение. Ты приносишь праздник, причуды, чистоту. Ты — настоящее божество, единственное в своём роде. Когда-нибудь я найду (или, что вероятнее, создам) язык, который гораздо вернее опишет тебя. Решай, какое у меня выражение лица, когда я это произношу: преувеличенно серьёзное или такое, какое бывает, когда рассказываешь лучшую шутку, которую можешь придумать.

Здесь мы не останавливаемся, но исчезаем с глаз пристально наблюдающих чиновников. Пока между нами пляшут незримые огоньки, они чешут в затылке, недоумевая, откуда взялось столько черноты. Происходит то, что происходит — и пусть. Воскресение не нужно, когда есть безвременье. Недосказанность не возникнет, когда не нужны слова. Роскошь неисчерпаемого воображения лишает смысла и силы жажду вечной памяти.

Чиновники чиновниками, но вы, читающие, ищите нас и обращаете — в первую очередь ищите в самих себе. Вот ещё что: не запирайте людей в ящики! Если вдруг заскучаете без нас, а искать не отважитесь, от нас остаются маски. Достаточно нацепить маску на нос, и вот уже никто не замечает нашего отсутствия. Поверьте, лучше разыгрывать спектакль, чем вживаться в нас по-настоящему — вам может стать грустно и страшно. Шучу, шучу, вживайтесь на здоровье. Разъезжается занавес: чего же вы ждёте? Время осушать слёзы и время рассказывать сказки.

Сказки, правда, немного застопорились. Уже суток семьдесят перо лежит без дела. Это из-за ужасающей сложности перевода, перед которой постоянно хочется спасовать. Я не понимаю, о чём речь идёт не то что в целых абзацах — на целых страницах, вот как это было только что. Но мне уже заплачено вперёд, а сбежать от заказчика в теории можно, но пробовать не очень хочется. Кстати, словарь не врёт, можно перевести «эпохе» как «ахуй»? Ведь чрезвычайно важно сохранить хотя бы частичку мощей пациента зеро, изначального призрака.

Чтобы отвлечься, я рассеянно глажу себя. Неужели вся эта роскошь настоящая? Метр восемьдесят шесть, что бы это ни значило; скромно умалчиваю о размерах члена (кому действительно интересно — размером со вселенную и светится в темноте). Могу зато пооткровенничать насчёт мозга: о, вот это истинное достоинство и гордость — а как ещё назвать штуку, которая может зарифмовать «Господь Вседержитель» с держателем для скрепок, а ещё всегда помогает вести содержательные беседы за чаем?

Я мастерски держусь на шпильках, а если нужно, их же отпускаю. Размер обуви — сорок шестой. При всех моих достоинствах есть и недостатки: с детства слабая, неразвитая фантазия и в целом не очень хорошо подвешенный язык. В больших компаниях (человека четыре) я сразу тушуюсь и замыкаюсь в себе. Возможно, я никогда не размножусь физически: мысль о детях и так кажется мне пугающей, но у меня нет особого шанса и позажигать с кем-нибудь из знакомых, а потом сесть ему на шею, понести и выжать из себя не то сына, не то дочь — это же в такой последовательности происходит?

У меня в организме насчитывается тысяч триста разных болезней, одна другой смертоноснее, заразнее и интересней. Моя кожа нежно-сиреневого цвета, а в каждой руке я держу по ножу причудливой формы. Я жуть как люблю танцевать, хотя танцую очень и очень неуклюже. Я ненавижу исправляться и сделаю это, только если вы вложите все очки в харизму и красноречие и вежливо-вежливо меня попросите. У меня на шее ожерелье из шоколадных черепов, а на чреслах (если честно, не знаю, что это такое)

повязка из кожи престарелого песенника, отмеченного Знаком Почёта кампучийской компартии. У меня есть членская карточка клуба любителей нигилизма, но все возможные платежи взносов просрочены. Это потому что я не считаю деньги и не считаюсь с ними; я выше этого, даже если это значит «магазинные кражи». От магазинных краж по-настоящему страдают только всякие корпорации, а кто станет их жалеть?

Я играю в ре-мажоре на губной гармошке, отжатой у бывшего нацистского преступника, сбежавшего в Индонезию. Я сирота и меня все жалеют, отчасти из-за этого лучшие годы юности пролетели в спецшколе: там приходилось носить шафрановые одежды, давиться столовскими сэндвичами с соей и сейтаном вместо мяса и драться на большой перемене на шпагах до первой смерти. Поскольку к последнему и сводилось общение со сверстниками, социальные навыки у меня просто днище.

А ещё я так заучилась, что из-за этого в целости и сохранности осталась моя девственность (сорян) и я теперь ума не приложу, что с ней делать. Распорядиться ей очень сложно. Для неискущённых или незнакомых с земными реалиями читателей и читательниц я оставлю здесь небольшой конспект, чтобы вы чуть лучше могли понять, о чём же именно идёт речь; для некоторых это страсть как важно, честное слово, как бы это ни было смешно.

Девственность это почти то же самое, что и смесь из: шоколадного мороженого; фисташкового мороженого; шестнадцатисантиметровых железных пирамидок; кошечек с пёсьими моськами; щеночков с кошачьими хвостиками; вытяжек из шалфея предсказателей разной степени жёсткости; зарисовок гаснущих на лету спичек; вьетнамских флэшбеков; неизвестного химического вещества, которое скорее всего окажется заринном; текстов песен «Гражданской Обороны», в каждый из которых зачем-то засунули вместо припевов по паре строчек из «Алмазной сутры»; дешёвой морилки для дерева; ненаписанных или несданных в срок курсовых работ (эта часть отвечает за низкую самооценку девственника или девственницы — что наверху, то и внизу); семидесяти с чем-то соломоновых ключей, больших и не очень; отсчёта до запуска стальной туши с ядерным зарядом; астронавта, выглянувшего в пустынный сад космоса без скафандра; группы поддержки известнейшего клуба шашистов; третьестепенных персонажей сериала «Чёрная жижа» и их мамаш; чего-то совершенно нечеловеческого, как это выражаются, eldritch или 自然; выводка кукушкиных птенцов; шёпотов за стенкой; сочащихся мазутом подшипников, выуженных из механизмов, кушающих лишь дизельное топливо; того, что обычно называется non sequitur или non serviam; списков всякой всячины, как у классиков — впрочем,

немилосердно усечённых списков; привычки сохраняться в шутерах перед каждым серьёзным шагом; привычки вздрагивать от каждого чиха в хоррорах; плагиаторского по сути метода нарезки уже упоминавшегося Уильяма Берроуза и его кореша Брайона Гайсина; пепла, почём зря стучащего случайным прохожим в сердца; плохо структурированных помех, которые мошенники уже не первое десятилетие выдают за современное искусство, навешивая на них таблички с надписями вроде «постмодерн, сосу за еду»; замаскированных бесконечными наслоениями всякой белиберды аллюзий к «Психопатологии обыденной жизни» и «Превращению», к «Приключениям Электроника» и «Тибетской книге мёртвых»; перчаток из кожи ягнёнка; старинных шляп со страусиными перьями; сильнейших дежа вю; демократических институтов в странах бывшего соцлагеря; тростникового сахара; сахарной свёклы; ускорения свободного падения; кухонных споров насчёт того, что же именно скрывается за такими громкими словами, как, скажем, теодицея; фильмографии Скотта Шоу и Дональда Джексона; безвкусных открыток со снеговиками и прочими монстрами; брезгливого отношения к мелким грызунам; громких свистков, да и вообще любых сигналов о начале соревнований; неисчислимого множества несбывшихся ожиданий; здоровой реакции на внешние раздражители; песочного печенья в форме птичьих черепов; территориального спора между бывшими французскими колониями; книжек в оранжевой обложке, которыми бабушка растапливает печку на даче; казино «Дворец Астерия», завешанного помпезными картинами; чего-то, на что у нас с вами аллергия; проповедей о вреде расизма, зачитываемых в невозможно издевательской манере; ливней из обалдевших лягушек; служебных записок, отправившихся в корзину для бумаг; фейзера, который с таким же успехом мог бы быть и флэнжером. И такое сокровище предполагается вручить суженому или суженой, а затем начинается настоящая жизнь.

Но куда мне до этого? Я всё живу и живу у типа, который в данный момент громыкает тарелками на кухне. Или нет, не громыкает, он обезглавлен. Вот только никакой он не мёртвый. Не переносит слово сдохнуть, вроде бы в этом дело. Бомбы, яды, пули, петли — никакого толку. Он как дыра, в которую это мигом вылетает. Моргает, падает, вот он на полу в отрубе, холодный-прехолодный. Но у него море работы. Накатывает вдохновение, и как бы его ни убивали, итог один: тюк-тюк-тюк, тюкание по клавиатуре. Он параноик, как Хемингуэй. Тронутый. Но мне доверяет. Говорит, любит меня. Думаю, врёт. Любил бы, выбивал бы нормальные гонорары. Он бывает дико милым, но редко. Когда выходит в люди, например. Он робкий, хотя по его романам этого и не видно. Но иногда, блин, твёрдый как камень. Как найдёт на него, так бам, и вот он от головы до пят сплошные воля и боль. Меня, правда, никогда не трогает. Такой глупый: ловит буквы, клянёт их, вертит,

выкладывает то в одном порядке, то в другом. Проверяет, нет ли повторов. Нет ли тавтологий. Будто буквы его родные дети! А ведь в них, по мне, ни особой правды, ни особой гармонии, вот они как раз какие-то мёртвые. Я буквы не люблю. Я люблю картинки. Я люблю коней и пони. Меренги. Города на берегу моря. Снежинки редкой формы. (Левая рука: была ладонь, теперь кулак). Люблю ароматный пуэр. Енотиков. Походы в театр. Родных, хотя я их и не видела никогда. Архитектуру. (Правая рука: была ладонь, теперь кулак. Хватит, хватит).

Его я не понимаю и, вероятно, никогда не пойму. Он то грубый, то мудрый, то спокойный, то напуганный, то такой, то эдакий. Будто у него внутри какая-то дикая рулетка. А я ведь глядела туда. Внутрь. Внутрь его памяти, по крайней мере. Думала, этот приём не работает, или работает, но не на нём. Непонятно, непонятно, я же увидела падение!

Именно его: предчувствие было почти осязаемым, жужжало мошкаррой в воздухе. Даже не видя лисьей грации и вьющихся волос перевозчицы, даже не встретившись с ней взглядом, вы бы неизбежно поняли, что происходит. К его чести, где-то в глубине своего существа он всё прекрасно осознавал и к тому моменту, когда пошёл дождь и они, раскрыв расписанный цветами (позднейшая приписка: дудника) широкий зонт, остановились посреди парка, он уже знал, что загадает.

Если уж на то пошло, то вся его жизнь, доходящая до меня в смутных, дёрганных образах, кажется мне невероятным рывком во все стороны сразу, который тем не менее должен достичь единой цели. Чем-то настолько парадоксально неделимым, что очень легко поверить, что он с самого начала был обречён сделать то, что сделал. То, о чём он не пожалел, даже когда открылось то другое, новое зрение — и он узрел одну из самых суровых и скорбных картин среди всех, что есть в запасе у перевозчиков.

Когда он увидел, во что превратились те, кому он некогда страстно желал отомстить, увидел, как на базаре торгуют их останками, услышал, как тяжело стали слетать с языков их прозвища, значения которых уже никто и не вспоминал, он не знал, смеяться ему или плакать. Не с кем было больше состязаться и некому было нести возмездие. Интерес к их свершениям постепенно сходил на нет, а вместе с ним и уважение к тому, что они олицетворяли, к тому, что, казалось бы, пропало и что он начал учиться воспроизводить по желанию, развив бешеный темп.

Возможно, так, как он себя чувствовал, должны были себя чувствовать сироты с рождения или величайшие из самозванцев. Легко ли, превосходно зная, что всё пропало, раз за разом разыгрывать спектакль-опровержение? Легко ли лишиться сразу и соперников, и предшественников? Подозреваю, что это чудовищно больно и страшно. Ничего похожего на азарт первопреходца — сплошной ужас последнего экземпляра, бывшего бы мечтой всех коллекционеров, если бы и коллекционеры не исчезли.

Я уже столько верчусь, образно выражаясь, в этой мастерской, что безошибочно определяю, когда начинается визит очередного говорливого призрака, оживлённого жаром его воображения и глубиной его жалости к павшим, павшим не понарошку, по-настоящему, к расставшимся с близкими, друзьями и ненавистниками, закрывшим баланс таким безрадостным образом, к заложникам причин и следствий, желаний и страдания, ставшим нечитаемыми строками, неудачно спрятанными то тут, то там, вот например, в узоре дорожек между островками зелени в этом парке. Просторы его души таковы, что могут вместить в себя несколько вселенных, пусть только понадобится такая внушительная сцена!

А теперь помолчи. Впрочем, ты и так молчишь, вот уже месяц как, и если бы мне не было насрать на шутовскую карусель времени с её перезвонами, я бы, может, даже расстроился. Но я роскошествую, мне по плечу всепоглощающая отрешённость. Не рассчитываю на коммерческий успех и на признание. Осталось расправиться с оживившимися по осени насекомыми, а безнадёжность, пожалуй, можно и не шугать, пускай живёт за плинтусом. Рассказывают, что изобилие ничуть не стимулирует творческий процесс, да ведь, знаете, и когда кукарекает от параша бедность, музы замолкают. Жизнь мало того, что избыточна — она унижительна, сравнить её можно разве что со знаменитыми нигерийскими письмами счастья. Вот, мол, помыкайтесь, господа хорошие (и дамы, хорошие дамы не исключение), а там вас ждёт миллиард, оставленный вашим неизвестным доселе родственником, профессором Морисом Уданганьифу, а с ним и любовь, мечта, путешествия, сладости, радости. Отблеск неземной красоты на закопчённых стёклах с урчанием проносящихся мимо сквозь смрад и морось машин обещает неземное же наслаждение в будущем. А пока что — побольше рожайте, побольше казните. Трудитесь в поте лица своего. Не жалуйтесь завучу, когда над вами жестоко глумятся старшеклассники, а через несколько лет запросто становитесь на их место. После свадьбы августейших особ проявляйте повышенное внимание к их простыням. Исповедуйтесь жулику, переодетому святошей, и, может, пребудете в царствии небесном. Будучи ярмарочным плясуном, даже и думать забудьте про равновесие, от вас ожидают уморительных трюков, связанных с ошибками, провалами, падениями

и колотушками. Зарплату получите шоколадными медальками, во вкусе которых самая читаемая нота — прогорклое пальмовое масло, и ничего лучше, оказывается, уже и не осталось. Учитесь охать и ахать над жуткостью и повседневностью беззакония, разумеется, насквозь притворно. С утра страдайте, очищайтесь, сочиняйте шедевры, а к ночи пейте мочу, развратничайте, заражайте других безумием, а потом всё по новой.

Ежечасно благодарите собственных родителей и отделившиеся от них раздутые образы Всетворцов за то, что вас выпустили порезвиться на лужаечке — и не удивляйтесь, когда окажется, что трава, которую вы щипали, вызывает дичайшие желудочные колики, а другой вообще не завезли. Ждите, разумеется, невероятно мощной и всё на свете объясняющей единственной (вопреки обещаниям) концовки того писания, которое вы сейчас читаете. Я уже знаю, чем всё тут закончится и в данный момент из неясных побуждений всё оттягиваю и оттягиваю момент, когда окончательно поставлю точку в этом труде и, так ничему и не научившись, возьмусь за новый. Кстати говоря о письмах, не знаю, как сюда попадает почтальон, но иногда мне приходят восторженные письма, и я даже не знаю, что с ними делать. Вот только взгляните:

«Здрасьте, уважаемое божество! Вы, может, запротестуете против такого обращения, но я не соглашусь на меньшее. Извините. Мы с друзьями уже основали несколько кружков в вашу честь: один в бывшем Петрограде, один в Самар(р)е, один в Нью-Васюках, то бишь Москве. Народу там пока немного, но лиха беда начало. Может, ещё возведём вас на престол российский, чем ч-рт не шутит? Заранее нижайше прошу простить меня за фамильярный тон и за копирование стиля и образа мыслей. Я как прочитал первые пару страниц вашего творения, так и влюбился без памяти. Конечно, я был под синтетическим мескалином (на вечеринке у знакомых) и ничего как следует не понял. Но на трезвую голову это не менее потрясающе! Я знаю, что вы читаете мои мысли и знаете обо мне, может, больше, чем я сам. Если это звучит безумно, прошу, считайте это шуткой. Но всё равно — вот эти алистер-кроулиевские две бездны? (Примечание автора: из Алистера Кроули я знаю разве что “Разрывы”, и не помню там ничего такого). Или вот эти петли обратной связи? Цитаты из голдинговского “Paper Men”? Когда кто-нибудь начинает теперь при мне хвастаться, что открыл какого-нибудь Рыбаченко или Радова, я говорю: “бич, плиз”. Серьёзно, насчёт лучшего автора двадцать первого века это совсем не преувеличение. Но вы, наверно, это и сами знаете. Я вчера дочитал всё до конца, и это просто гениальное произведение у вас, и не потому, что вы цитируете моё письмо без изменений. Я, по вашему образцу, презираю фансервис и стремлюсь остановить внутреннего его пожирателя. Вообще ваши магические методы классные. Я попробовал самопишущую прозу, выходит далеко не так классно, как у вас, конечно, но тоже интересно.

Если бы я прислал то, что получилось, вы бы прочитали? Если, конечно, вообще возможно такое, что у вас будет время и желание снизойти до меня и моих жалких подражаний. Мне, конечно, немножко не по себе, вы это всё, я думаю, знаете, но... детские впечатления самые сильные — это вроде называется импринт (в гипнозе, по крайней мере, я изучаю гипноз и себя уже немного гипнотизировал, вроде результаты есть). Ну, в общем, когда я в цирк ходил с родителями, то всегда ждал фокусника; меня бесила вонь зверинца и грусть в глазах вялых, замученных животных, бесили плоские шутки клоунов, я не ценил бросающего вызов силе земного притяжения искусства акробатов на их трапециях и всё сидел как на иголках, ждал, когда выйдет фокусник. Мне дед рассказывал про то, как фокусник творил при нём настоящую смену времён года: золотились колосья, абсолютно реальные, из-под купола цирка сыпался обжигающе холодный снег, распускались цветы (да-да) и пели всякие птицы.

И я сидел и ждал до последнего, пока не появится фокусник, а потом шёл домой, обманутый и разочарованный. Потом я вообще перестал ходить в цирк. А тут ещё я вспомнил, как в детстве мне не покупали игрушек (мы бедно жили после развала Союза, тогда, скажем, сосиски казались деликатесом, а одежду я донашивал с чужого плеча) и я нашёл выход в том, чтобы запоминать в подробностях игрушки, виденные в магазине, и представлять их себе потом: шиза, но что ты будешь делать. Но это же ничем не хуже курса по разведению в сознании всяких тульп у тибетцев! Я к чему веду, мне раньше было грустно и я даже злился иногда, что так и не увидел настоящего фокусника, но когда я вашу книгу прочёл (сериял я специально не смотрел, знаю, что там всё переврали ради рейтингов), всё встало на свои места: фокусника же просто держать в цирке — оскорбление профессии, может, даже смертельное. Как чародея сравнивать с уродцами или дрессированными муравьями на самокатах? Говорят, раньше (вообще в прошлом) был Золотой Век, но в частности из-за этого я никогда в это не поверю; скорее наоборот, мы выбираемся откуда-то из зловонного болота Кали-Юги и у нас есть ещё пока шанс на что-то лучшее, если мы признаем ваше величие. Я... хотел написать, что склоняюсь перед вами и ещё что бесконечно благодарен возможности заочно учиться у вас, но вы ведь и сами же знаете, что лучше всех, а ученики ведь, говорят, отягощают карму учителя или что-то в этом духе. Так что я учусь на расстоянии, как если бы учился у ребёнка кричать или у речки журчать, потому что знаю, как омерзительна может быть назойливость. Не хочу отягощать себя и вас. Я даже в Сети ничего про вас не искал, мне кажется, нужно уважать, что вы личность загадочная. А в книге, кстати, меня больше всего поразила идея пародии на самого себя, а ещё что вы русских и русский знаете лучше многих моих старших друзей, хотя вы вообще не отсюда и здесь не были никогда, да? Пэ Эс: а можно, я пришлю иллюстрации, нарисованные мной? Я нарисовал Музу, Берроуза-женщину,

то, как вы четверо играете в Normality в Веллингтоне, бионическую осу, столоначальника из Бюро, сцену в автобусе, доктора психиатра, “Красных дьяволят” и бессветную пустыню. А одна моя подруга с композиторского отделения консерватории сейчас сочиняет звуковую дорожку (то, что в сериале, я слышал, и по-моему это фигня, иначе не скажешь). Что ж, в общем, мы все хотим служить чему-то хорошему и настоящему, так что буду ждать ответа, а пока что — “пока цветы не нападут на нас!” Пока. Искренне и безраздельно ваш...»

Если эти хвалебные речи правдивы, мог ли их адресат приказать мне замолчать? Естественно, не мог. Впрочем, и речи не очень-то правдивы. Объясняется это просто: кто-то, пользуясь приёмом, распространённым в редакциях жёлтых газетёнок, пишет сам себе полные лести письма. Сложно представить, как это можно вообще делать без надежды на взаимность, это какое-то святотатство. Конечно, настоящие письма, одно из которых я сейчас несу к нему в кабинет, совсем не похожи на это.

Люди жалуются. Люди жалуются всё больше и больше, всё чаще и чаще. Родственники требуют сокращений в нежелательном случае позорной публикации: произведение, какое оно есть сейчас, может привлечь к семье нежелательное внимание закулисы масонских педерастов-чернокнижников.

Знакомые не очень-то рады открывшемуся у на первый взгляд неплохого (некоторые девушки характеризуют его даже как «9 из 10») товарища литературному дару, который настолько явно наследует худшие черты дара Фаулза (образца «Мантиссы») и Данилевского (образца «Дома листов», с ещё сильно не раскрашенным текстом). Сторонним читателям не по душе холодный интеллектуализм, доходящий местами до зауми; бессвязный сюжет, если таковой вообще присутствует; нехватка харизматичных персонажей; клевета на признанных гениев контркультурной прозы; заигрывание с остобеневающим интеллектуальной элите мизенабимическим постмодернизмом (это прямая цитата, если что); отсутствие иллюстраций; нежизненная психология поступков и вообще постоянные подножки реализму; навязчивая реклама жизненной философии автора; пара-тройка зияющих несоответствий; микротранзакции; богохульство; и самое худшее — воровство. Вот даже эта идея с самокритикой внутри романа наглейшим образом спизжена из «Иллюминатуса», пусть его сегодня мало кто и читал.

Мне, как и всегда, интересно, как он сумеет отвертеться от таких обвинений. Ясно же, что ни за что не признает недостатков, что уж говорить о том, чтобы что-то исправить. Я предвкушаю нечто неожиданное, пока шагаю по длинной и извилистой дорожке, ведущей от моей горницы к его кузне. Кто-то жаловался на недостаток описаний фэнтезийных ландшафтов, вот вам пожалуйста: эти места — сад расходящихся в бесконечность троп.

Здесь повсюду узоры из шевелящихся и вспыхивающих всеми цветами радуги лиан. Бывает, задеваешь ногой небоскрёб ниже человеческого роста, и он грохается с криком и рассыпается в труху. Бывает, задеваешь головой сводчатый потолок пещеры, в центре которой танцуют у костра какие-то хтонические, мохнатые нечестивые жевуны, а он с мелодичным звоном уезжает на мили вверх. Хорошо, что я ношу при себе ваджру, в горизонтальном положении напоминающую глаза гипножабы; завидя её, жевуны тотчас же признают меня своей спасительницей и владычицей. Изгибающиеся под причудливыми углами каналы наполнены дружелюбным желе, с виду похожим на лакричное. Я останавливаюсь на набережной, сложенной из девичьих вздохов, и люблюсь проплывающими мимо хрустальными джонками с парусами из исфаханского шёлка. В тёмных лужах что-то щёлкает, и по ним проходит знакомая рябь: сменяясь, один за другим возникают и исчезают мёртвые телеканалы. Ветви благоуханных кустов сплетаются в тесных объёмах, не нарушающих, впрочем, ничьих норм приличий. Без устали стрекочут велосипеды, несущие ездоков с пушистым хвостом или рыбьей чешуёй в Присутствия, Зиккураты, Богадельни, Гастрономы, Кальянные, Хранилища — всех мест не перечить. Здесь бывает холодно, как на горной вершине, и воздух бывает такой же разреженный, но сегодня, к счастью, всё по-другому. Зато многое на горизонте затянуто душистой дымкой: знакомые здания будто взяли сутки отпуска, и их силуэтов не разглядишь, даже если попытаться взглядом овеществить незримый ландшафт. Немного кружится голова — зрелище захватывает дух. Подрагивают под весом пернатых провода. Тысячей корней уходит в землю и ввысь устремляется древесный ствол. Весь замотан золотой цепью, а вокруг кружит чёрный зверь: то сказывает сказки, то залиvisto распевает песни.

Рывок — и его косматая голова слетает с плеч, и я понимаю, что стою у него в кабинете и гляжу на этот немислимый предмет. Вжик — и отсылка к Иоанну Крестителю, он же Иоанн Предтеча. Вжик — и отсылка к [не хватает эрудиции, дописать позже]. Мрачный берег, золотые звенья цепи, рассыпавшись, стали золотыми колёсами окруживших нас полчищ известно чьих слуг. Мы нарисованы, кажется, чёрной тушью? Изнутри не разберёшь: чтобы узреть отражение собственной души (вариант для циников — собственной кожи), нужно высунуться наружу. Предупреждения, что это чревато последствиями, бесполезны, всё равно же полезем.

Вжик — и мы проскальзываем за кулисы и зрим причудливые механизмы театральной сцены. Что за история, Юдифь или Саломея? Без башки не сообразишь, а весь запас шишек и гаша вышел. Палач волочит корзину с места казни, не дожидаясь приглашения. Мы пляшем на пажитях и пастбищах. Сипатые жалобы тростниковой флейты и удары в бубен. Будка трещит, в черепе скрежещут кости о кости. Я дрожу, следовательно, я существую? Отчего же я дрожу?

Семь ступенек от земли — вжик, и вверх тормашками с вышки. Внизу пожарные растянули брезент. Как можно прозевать стену дыма, окружающую нас? Как можно не заметить искры, прожигающие наши шикарные шали, с шипением сыплющиеся из-под крыш школ, где воспитанники всех возрастов учатся трескать «Белизну» стаканами? Искусный танцор кружится так быстро, что твой взгляд вспыхивает, когда пытаешься уследить за его движениями. Неосторожно. «Воспользуйтесь моим огнетушителем». (Записано поверх полустёршихся почеркушек насчёт «результата постоянных попыток переписать прошлое»).

«Не стесняйтесь, пусть он большой и красный, это даже чем-то визуально впечатляющим не назовёшь». Пора пене пролиться или нет? Не уточняем цвета, но изумляемся количеству пузырей. Больше, чем в детском шампуне известной марки. Мы ездим на пузырях по гостям с визитами: и польза, и интерес! Подслеповато смотримся в пузыри, возя по щекам опасной бритвой. Спрашиваем совета пузырей по всем важнейшим вопросам, а иногда потом, не дождавшись ответа, пропарываем их мыльные бока.

Полезно глотать огонь, а ещё — глотать чужие вещи! За это легко схлопотать взбучку, ну и плевать. Всё полезно, что в глаза полезло, так ведь? Афоризм, прямо скажем, не из выдающихся, но здесь странным образом уместен — да здесь и не может быть ничего неуместного, пускай таинственное, пускай непривычное. «Окажите мне честь, застегните мой фрак». Неистовое кряканье из-под моста. Скорее, пока у моего собеседника не случился лингвистический понос, прикручу ему фитилёк.

Мужчины в этом золотом возрасте славятся разговорчивостью и сразу разбалтывают все свои и чужие секреты, стоит только вежливо попросить со спичем выше десятички. Вжик — простите, рабочую атмосферу попытался разрушить василиск. Условность, конечно, но ничего не поделаешь, всё как в жизни. Это называется «хардкор».

Летсплееры потешно машут пакшами и чертыхаются, сдавшись на милость непредсказуемого игрового процесса: то жми, то скачи, то кричи — куда уж тут угнаться за замыслом создателей, удержаться бы только на заточенной струне, на игольном острие, на неразборчивого цвета стреле с оперением из чаячьих перьев, на вздымающемся из почвы изукрашенном жезле, чьим движениям вслед тянется зелень плюща, на спице бегущего в колесе колеса, на безжалостном, иссушающем кожу (а то и душу) луче, на смычке скрипача, продавшего всё, что только можно, за совершенное тремоло.

За секунду я успеваю просмотреть весь «Взрывающийся город» Сого Исии. Нет, кажется, Исии? Впрочем, это неважно — третьестепенный вопрос шарлатанства. Пусть продолжается шоу, и пусть полыхают сиденья под зрителями! Я делаю круглые глаза и легонько потюкиваю рукояткой веера какую-то кожистую, как летучая мышь, штуку — на самом деле это просто натуралистичная скульптура, современное искусство. При включенном свете смотрелось бы не очень. Но при нём решительно невозможно писать, так что он всегда выключен. Мне кажется, теперь всё, что я скажу, прозвучит ужасно пошло, но что поделаешь, сейчас пошло уже выглядит и медвежья шкура, некогда бывшая неоспоримым атрибутом мужественности.

Запрос в поисковую систему: как узнать, с кем я разделяю воспоминания?

Предложение: возможно, вы хотели спросить, как изготовить общепризнанный шедевр вроде джойсовского «Улисса» при помощи пачки листов бумаги формата А4 и нескольких шариковых ручек? Сознаться в экстремизме прямо сейчас и понесите заслуженное наказание! Вас ждёт вечность в китайской Преисподней Восклицательных Знаков!!! Вас будут хлопать по лицу носком с овсянкой, это не точно, но шанс очень большой. А ещё рассказывают про «хождение грача», но что это означает — загадка. Типа как предложение пойти за гаражи. Гаражи — мираж, в царстве победившего наконец коммунизма частной собственности никому не положено, так что никаких машин и гаражей, а ещё — никаких женщин, ведь от них одни угрозы представительным, выверенным и на самом деле уморительно смешно выглядящим со стороны мужским утопиям. Молчу, молчу. Скажу, что дозволено: если бы мужчины точно знали, что это сойдёт им с рук, они бы вообще не шевелились.

Приходится кричать: «Смотрите, насилие над здравым смыслом!» (Не то чтобы это было чем-то из ряда вон выходящим, постапокалипсис же). Сразу все бросаются изображать рыцарей и затыкать сюжетные дыры, которых тут предостаточно. Любезные кавалеры в лепёшку расшибутся, но докажут, что в каждой закорючке зашифровано по тайне мироздания. Как попросишь расшифровать хоть одну, правда, так сразу тушуются. Язык выкидывает невообразимые коленца, только бы не наткнуться на суровую действительность: она шершавая и жёсткая, хочется сказать даже, ископаемая. У кого там змеелюди входили к дочерям человеческим, у автора «Тарзана»? Может, у автора «Соляриса» или автора «Принцев Амбера»? Шовинистические фантазии: девицы катаются на плюющихся лавой пресмыкающихся (в наших условиях это единственная замена положенному по уставу волшебному единорогу) исключительно по собственной инициативе.

Пока я это сообщаю, меня слой за слоем заворачивают в сахарную вату, как в детской телепередаче. Надевающиеся на кулак куклы-варежки ведут ожесточённую философскую баталию, приспособленную для понимания только-только совершеннолетних. Что это значит в двух словах? На заданный... Ну хорошо, пусть будет чуть больше двух; на заданный ранее поисковой системе запрос мне выдачи не положено.

Ну хорошо, система, пусть будет другой вопрос, давай чего полегче: что меня ждёт дальше?

Что-то трещит, затем проступает ответ в виде книжки-раскраски. Нагишом на ложе между сёстрами-близняшками, Нуждой и Надеждой. Прочищаю им зады под вздохи: «Ещё, ещё, Шарлотта!» (Здесь: Шарлотта Генсбур). Не смотрите осуждающе, у них месячные, вот из-за чего все странности, ну может, ещё из-за ведьминога часа: до трёх ночи черепахой ползаю на пузе по бескрайним болотам вязкого кошмара, спасаясь от преследователей, желающих видеть некоего Рустама. Позже лечу в снаряде из пушки на Луну, на тёмную сторону. Официально предписано заниматься здесь прогрессорством, а поди ж ты, вместо прогрессорства зарываю россыпь золотых монет на пыльной равнине, гордо именуемой морем Ясности, и прохожу дискордианскую инициацию, читая «Побеждённого Карабаса». Секретное прозвище после посвящения звучит очень похоже на Ребис. Питаюсь человеческими историями, бессвязными примечаниями к психоделической поэме (чуть не останавливаюсь). Пришпорив клячу, скачу под своды пещеры Монтесиноса.

Всё моё тело покрывается россыпями звёзд в честь всепоглощающего отказа, кнута и пряника настоящих творцов. Я — воплощённое блаженство, я чистый, но неизмеримо жуткий источник граничащего со всеведением вдохновения, испив из которого, судорожно выкашливаешь сто пятьдесят тысяч знаков чего-то слегка загадочного даже для самого себя и не думаешь останавливаться. Да что ж ты поделаешь, звонят и кричат, чтобы обязательно была социальная справедливость, так что я не источник, а источникца, а ещё у меня неместное лицо, и я очаровательно хромаю, а за вишенку на торте сойдёт психическое расстройство: листаю врачебные журналы и выискиваю слова покрасивей. Мне больше всего нравится словосочетание «тёмная триада», пахивает Ло Гуанчжуном, но оно, очевидно, уж очень сильно расходится с действительностью. Сообщу о результатах позже.

Главное, что вам нужно обо мне знать: я уже и сосчитать не смогу, сколько раз повествование зависало, не решаясь ни с какой из сторон подступиться к известному, неизбежному финалу. Пауза на восемьсот десять секунд.

Вклиниваются запоздавшие эпитафии, разрозненные афоризмы, чищу. Восемьсот десять секунд молчания лишь вынужденная отсрочка, пока я судорожно размышляю над тем, как буду действовать. Меня чуть-чуть лихорадит: когда пыхаешь из одного бонга, это считается за непрямой поцелуй? И правда, что от этого тоже можно кайфануть, как от синей плесени? Как же мне хочется всё обоссать и сжечь — или как же искренно я себя уверяю в этом!

Сделаю так. Будет гораздо полезнее, чем слушать бессвязные бредни городских сумасшедших, рассуждающих про свободную любовь, прогресс, отдельный сбор велодорожек, социальную ответственность и всё в том же духе, хрустя безлактозным печеньем: сверкают хромом зубы, сияет эмаль глазниц, колышутся мерзковатые щупальца, в гостиной безымянного коттеджа от свечи занимается пожар (уже было у Акутагавы в «Зубчатых колёсах»). Гости снуют туда-сюда как заводные, издают пустой щебет. Надзиратели, все до последнего. Похожие больше на колёса из ножей.

Я с силой выбрасываю из себя якоря на цепях: обскурейшая отсылка, возвращение от жизни скитальца к переговорщицкой жизни на подмостках схематично набросанного мегаполиса. В нескольких эпизодах позади играет саксофон и продолжают страдать и изумляться персонажи. Воспоминания начинают тлеть. Мои письма: защитный механизм, так сказать, гримаса отворачивания. А что ещё скажешь на шумную мышиную возню внезапно возмнивших себя сверхсозданиями создателей, создательниц и всего, что между?

Позвякивающие и поскрипывающие шестерёнки и пружины в голове не по годам смышлёного ребёнка. Первичная сцена: приступы неборимой чесотки и щекотки. Шабаш, будем называть вещи своими именами. Зависимость. Обречённость. Спасение в отрешённости от видимости, иначе вовсе не расслабишься. Мой призрачный близнец изучает и каталогизирует практические шутки (последние два слова перечёркнуты).

Двести семьдесят три секунды паузы. Операционная залита светом. Сова в докторском халате не спеша приступает к делу. Свиньи, медведи, ослы — каких тут только не найдётся масок! И под каждой из них по грязевому голему, которому на ушко на одном из нескольких сотен земных языков прошептали слова воскрешения, или, как считают некоторые, слова забвения смерти. Сплошная достоевщина, трихины в системах водоснабжения всех крупных городов. Развитие сюжета посредством нагромождения немотивированных истерик: учтите, между делом сообщаю, что часто размышляю, не застрелиться, не зарезаться ли. Сочинители подобны распутным женщинам, ибо уводят раскаявшихся, заделавшихся праведниками убийц с их суровой и заслуженной каторги, подсовывая им переписанную нужным образом вечную книгу.

Змеечеловечество было соблазнено говном из жопы — железный аргумент в любом споре. К моей подмышке пристали химикалии. Если в первый раз скажешь «нет», потом вся жизнь покатится под откос, если не скажешь — то же, в принципе, самое, плюс только мягкий знак в слове «покатиться». Супружеская чета Шульгиных, синхронно поперхнувшись свежесваренным чаем с сушёными листьями земляники, зрит, как тысяча молодых их отродий лупится под хвост (что бы это ни означало), закутавшись в сияющую и пахнущую мёдом сеть. Тут же футуристы распинают чучело Никиты Сергеевича Хрущёва, или просто какого-то большого жуткого жука, в Париже, прямо посреди Елисейских полей (на дворе вроде тридцать второй, очевидцы, поправьте). Последняя в мире птица Сирин, разрубленная на шестьдесят две части, падает в озеро живой воды. Очередная непристойность.

К чьему-то сожалению, такие вещи просто делают меня всё больше и больше машиной: моё сердце ожесточается и одна за другой рвутся пронизывающие его жемчужные нити, и я остаюсь с безжалостными вихрями лезвий, скребущих по его внутренней поверхности. Измерены, взвешены, найдены неинтересными, бесполезными. Пусто-пусто на каждой костяшке, валяются одна за другой; каждый и каждая бодрятся, пытаются плясать, но рано или поздно пасуют — скажем, из-за гравитации.

Случаются бесконечные встречи, но о них всегда лишь идёт речь, ничто не касается единой сути. Неумолимые законы формы, или, в моём случае, скорее бесформенности, подсказывают, что мы вскоре должны расстаться: а вот кто такие «мы», уже совершенно другой вопрос. Я-то, положим, к концу этого магического дневника толком и не разберу, где начинается одна и где заканчивается другая граница, впрочем, ради этого всё и затевалось: незаходящее солнце/неотступающая ночь, выберите желаемое и наслаждайтесь им вечно, не переворачивая страницу. Или же, раз уж вам так хочется, переверните и пусть здесь будет последний привет шутовству эргодической литературы:

И обнаружите груды бессмысленных и не очень отсылок; два-три неисследованных континента и целое неисследованное звёздное небо; сюжетные неувязки, требующие неотложного разрешения... А вместо него я дописываю к документу заглавие, «МАШИНА СНОВИДЕНИЙ», книга уроков и книга перемен, разумеется, никакой не роман, сочинение некоего Дали Ламы двадцать третьего... Пропущено, пропущено, пропущено, пропущено, давайте сразу: огромные, брызжущие неонами буквы **ВНЕЗАПНОЙ КОНЦОВКИ**, такой, в духе «Палисандрии», где читателей вместе с автором выворачивает в едином порыве после экскурсии по гигеровским то ли внешним, то ли внутренним ландшафтам.

Единственный настоящий шанс показать, что мы поём вслед за пламенем. Многоцветье твоих волос, разбегающихся как каждое изумлённое «сейчас?» и каждое «может быть», каждый уморительный щёлкающий звук, который издают откручивающиеся в обратном направлении невозможности.

«Установить заговорщиков-адресатов сего решительно невозможно...»

Опять этот щелчок, и кто-то заливается звонким смехом, не дочитав и до середины цитаты, затем склоняется ко мне, и, благоухая жасмином (чубушником!) шепчет чуть слышно, но ужасно разборчиво — лучшего момента, честно, и не сыщешь: «Стоп-слово — поэзия».